

Владимир Дараган

Идеальная Катя

Владимир Дараган

Идеальная Катя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876793

ISBN 9785448374692

Аннотация

Повесть «Идеальная Катя» о трудной любви девушки с необычными способностями. В сборник включены также рассказы, эссе и миниатюры о людях, которые больше других стараются думать о том, что их окружает, ироничные зарисовки, наблюдения и немного философских размышлений о повседневной жизни.

Содержание

Не о любви	6
Дрессировщица	6
Диалоги	11
Собака	16
Королева Инга	17
Наблюдения	28
Вопросы	35
Почти про себя	37
Антикварный магазин	40
Философское	49
Садовое	56
О белках	58
В спортзале	59
Попытка казаться умным	63
Из прошлого	65
Мир Кристины	67
Короткие рассказы	77
Почти все дороги ведут в Рим	86
Сначала	90
Картины с кораблями	92
Общеизвестное	96
Для себя	99
Малахольная Верка	103

Попутчики	111
Сын вот приедет...	114
Как-то раз мы выпивали	115
Осколки	117
Гость из космоса	119
Беседа с привидением	121
Любовь	126
50 слов	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Идеальная Катя

Владимир Дараган

© Владимир Дараган, 2017

ISBN 978-5-4483-7469-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не о любви

Дрессировщица

Дуня – английский сеттер. Красавица, умница.

Ее хозяйева уехали в отпуск и попросили нас пожить с ней две недели.

– Проблем не будет! – пообещали нам. – Дуня – само совершенство! Течка еще не скоро, питается она «хрустяшками», спит долго и сладко.

Когда я приходил с работы, Дуня ложилась на спину и раскидывала лапы, демонстрируя свою покорность.

– Умница, – говорил я. – Хрустяшки съела, воду выпила, пойдём гулять!

На улице Дуня бегала вокруг меня и только иногда натягивала поводок, показывая, что ее интересы лежат немного дальше, чем длина поводка. Она исправно метила все стволы деревьев, с пониманием обнюхивала желтые пятна на снегу и неодобрительно оглядывалась на меня, когда я пытался закурить.

– Рядом! – командовал я ласковым голосом.

Дуня смотрела на меня и спокойно шла рядом.

Секунд десять. Потом она замечала очередной непоми- ченный ствол и бросалась к нему, натягивая поводок.

Дома, когда я работал, она лежала на ковре и смотрела мне в спину. Ее черные глаза были влажными от любви и какой-то собачьей грусти.

– Ну что ты так смотришь? – спрашивал я ее. – Скучно собакину?

Дуня виляла хвостом, приносила свою резиновую игрушку и предлагала поиграть в «а ну-ка, отними!».

И мы играли!

Дуня рычала, носилась по дому, оставляя везде клочья шерсти.

Потом она исправно давала лапу и садилась по команде.

Несколько дней мы жили мирно. Но потом... Ночью я проснулся от жаркого дыхания. Дуня стояла рядом с кроватью, положив голову на мою подушку.

– Ты что? – спросил я.

Дуня заскулила.

– Кушать? Пить?

Дуня тяжело вздохнула и положила лапу мне на одеяло.

– Хочешь спать рядом?

Дуня положила на одеяло вторую переднюю лапу, неуклюже задрала заднюю и залезла ко мне. Покрутившись, она отпихнула меня на край кровати, свернулась в клубок и заснула.

– Ну, привет тебе, – проворчал я. – И что мне делать?

Дуня сладко зевнула, не открывая глаз. Я включил лампу

и стал читать. Дуня вздыхала, но терпела.

На следующую ночь я проснулся от прикосновения влажного холодного носа.

– Ну уж нет! – твердо сказал я. – Сейчас пять утра, у меня тяжелый день впереди, иди спать к себе на коврик.

Дуня села на попу, заскулила и посмотрела на дверь.

– Гулять? – возмутился я. – А по ушам?

Дуня наклонила голову и с укоризной стала смотреть мне в глаза.

– Не выдумывай, – сказал я. – На улице мороз, темень. Хорошие собаки спят без задних лап!

Дуня тихонько гавкнула, показывая, что она не очень хорошая собака.

– И что? – спросил я.

Дуня опять посмотрела на дверь

– Совесть у тебя есть? – задал я риторический вопрос.

Дуня завиляла хвостом.

– Нет у тебя совести, – констатировал я и стал одеваться.

Дня через два я пришел домой и увидел, что хрустяшки в кормушке лежат нетронутыми.

– Это что за безобразие! – возмутился я.

Дуня легла на спину и расставила лапы.

– Фу, какая противная собака, – сказал я, почесывая ей брюхо. – Так и похудеть недолго.

Дуня вскочила, завиляла хвостом и принесла свою игрушку.

– Никаких игр! – сурово сказал я. – Сначала надо хорошо покушать.

Дуня презрительно посмотрела на придвинутую кормушку, вытянула передние лапы и замотала головой.

Мой взгляд был суров, как у бабушки, внук которой отказывался есть манную кашу.

– Сначала обед, потом игры!

Дуня выпустила игрушку, потом снова подобрала ее и стала повизгивать.

– Бессовестная! – сказал я, вынул из холодильника кастрюлю с супом и разбавил хрустяшки бульоном.

Через десять секунд кормушка была вылизана.

Скоро приехали Дунины хозяева, и увезли ее домой. Через день раздался звонок.

– Что, Дуня взяла «на слабо»?

– Это как?

– Это так, что Дуня всегда проверяет, до какого безобразия она может дойти. Вы прогнулись, и Дуня начала устанавливать свои правила. Она великая дрессировщица!

– Ага, – признался я. – Мне пришлось выполнять все ее команды!

Потом, когда я приходил в дом, где жила Дуня, она радовалась мне больше, чем остальным.

Гости рассаживались за столом, а Дуня пробиралась между стульями и из-под стола, чтобы ее никто не видел, пристраивала голову мне на колени.

– Больше ты меня «на слабо» не возьмешь! – строго говорил я Дуне, обдумывая, какой кусочек мяса сунуть ей в рот, да так, чтобы никто этого не видел.

Диалоги

Первые слова

– Ты знаешь, какие первые слова скажет искусственный интеллект?

– Здравствуйте, люди?

– Нет, он скажет: «Спасибо, все свободны».

Куда захочешь

– Мы пойдем туда, куда ты захочешь!

– А зачем ты меня за руку тащишь?

– А ты еще не знаешь, куда захочешь.

Ночные мысли

– Проснулся ночью и стал думать.

– И о чем можно думать ночью?

– Когда все будут жить вечно, то с какого возраста мы будем выходить на пенсию?

Как Екатерина

– Я провожу ночи как Екатерина Великая.

– С гвардейцами?

– Если бы... Просыпаюсь как она – в четыре утра.

– Екатерина не страдала, она в это время работала – читала государственные бумаги.

– Я тоже работаю. Смотрю кино на планшете. Сейчас другие времена, другие технологии.

О любви

– Ну и как они?

– Он ее полюбил, полюбил и женился на другой.

Тост

– У меня тост. Я хочу выпить...

– А кто тебе мешает?

Новости истории

– Куда после смерти попали Адам и Ева?

– Опять в рай. Ад, вроде, еще не успели тогда сделать.

Фотографии

– В институте Сашка был красавцем, и все девушки просили у него фотографии.

– А у тебя не просили?

– Просили. Но только не мои, а Сашкины!

Как живут художники

– В Москве все художники в шоколаде: моему приятелю от богатеньких заказ за заказом идут.

– А как другие художники живут?

– А я с другими не общалась.

Хочу

– Хочу на ручки!

– Это как-то скромно. Скажи лучше, исполнение каких трех желаний ты бы попросила у золотой рыбки?

– Ну... Всегда быть богатой, красивой...

– И?

– И на ручки!

У предсказателя

– Говорят, что ты предсказываешь будущее. Вот скажи, мне стоит жениться?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что ты об этом спрашиваешь.

Ничего

– Скажи, вот чего ты достиг в жизни?

– Ничего.

– А что ты оставишь после себя?

– Ничего.

– И ты не страдаешь от этого?

– От этого должны страдать те, кто что-то от меня ждал.

Почти дзен

– Ты уже десять минут сидишь и смотришь на эту ветку.

Это медитация?

– Нет.

– Ты думаешь о чем-то великом?

– Нет.

– Ты изучаешь, как осенью умирают листья?

– Нет.

– На тебя напала осенняя грусть?

– Нет, я жду, когда стихнет ветер, чтобы сделать снимок.

Куда он целится?

– Глянь, на фотографии именинник с ружьем.

– И куда он целится?

– В меня.

– Так ты рядом стоишь.

– Значит, промахнется.

Искусственный разум

– Ты не сможешь создать искусственный разум, который будет умнее тебя.

– Обижаешь! А почему?

– Из ревности.

Деньги

– У тебя куча денег! Почему ты их не тратишь?

– Но тогда у меня не будет кучи денег.

Врач

– Я стараюсь никому не говорить, что я врач...

– ???

– Иначе даже здоровые люди начинают думать, от чего бы им полечиться!

Дорога

– Туда ехать с двумя пересадками на метро.

– Да... хуже не бывает.

– Бывает. Если ехать на машине.

Аргумент

– Тебе разве нужен этот фонарик, зачем ты его покупаешь?

– Так он стоит всего семь долларов!

Герострат

– Ты что делаешь?

– Я геростратю, – сказал он, вырезая ножом на скамейке слово «Коля».

Дежавю

– Вроде я тут был.

– Дежавю?

– Красивое слово для склероза.

Собака

Собака тебя любила.

Ты мог ее воспитывать, серьезно с ней разговаривать, грозить пальцем и даже лупить по хвосту свернутой газетой.

Собака опускала глаза и пряталась за креслом.

Но потом она возвращалась, искала твою руку и засовывала под нее голову.

Собака хотела, чтобы ты ее погладил. Она не хотела быть в ссоре.

Потом собака постарела и стала болеть.

Ее шерсть стала тусклой, под ней прощупывались кости и какие-то шишки.

Собака знала это и перестала просить ее гладить.

Она была счастлива, когда просто лежала около стула, и ты не был против, если она слегка прислонялась к твоей ноге.

Этого кусочка тепла ей было достаточно.

Королева Инга

Инга часто просыпалась ночью, улыбалась и закрывала лицо руками. Она боялась, что свет улицы из окна и силуэт огромного платяного шкафа помешают ей запомнить промелькнувший сон.

Инга была уверена, что во сне ей показывают прошлую жизнь, когда она жила в далекой северной стране и часто гуляла по дорожке, ведущей от ворот старого замка к морю. Дорожка вилась между зелеными холмами, на которых лежали большие темные камни. Берег моря был высокий и крутой. Инга подходила к самому краю обрыва, куталась в длинный черный плащ и долго смотрела на серые волны, сливавшиеся на горизонте с мрачными тучами, из которых постоянно моросил мелкий холодный дождь.

Утром все пропадало. Инга уже не могла вспомнить свой замок, дорожку, холмы и серое море. Надо было умыться, позавтракать и собираться в школу вместе с младшим братом, который всегда норовил спать до последнего, а потом с закрытыми глазами одевался, плескал холодной водой в лицо, делал глоток чая и с булкой в руке начинал искать тетрадки, которые надо было положить в портфель.

Они жили на первом этаже старого деревянного дома в крошечном городишке, затерянном в уральских горах. В доме было восемь квартир. Все жильцы знали друг дру-

га с незапамятных времен, собирались вместе на похоронах и свадьбах, постоянно говорили, что их дом надо сломать и всех переселить в новые кирпичные башни, которые начинали строить на окраине городка. Там не будет мышей и тараканов, не будут лопаться от мороза водопроводные трубы, не будут скрипеть полы с огромными щелями, из которых зимой дуло холодом и сыростью.

Инга не прислушивалась к этим разговорам. Ей уже было пятнадцать лет, и она мечтала, что скоро уедет в большой город, где нет огромных луж на дорогах, где в канавах не валяются пустые бутылки и грязные тряпки, где ночью на улицах светят яркие фонари, где люди не ходят в магазин в ватниках и грязных сапогах. Этой мечтой она делилась только со своей подругой Танькой, которая тоже собиралась уехать в большой город и выучиться на парикмахера или косметолога.

– А ты, небось, в институт хочешь поступать? – спрашивала Танька.

– Ага, я хочу стать журналистом, чтобы ездить по разным странам и изучать историю, – говорила Инга и тут же вспоминала свои сны, в которых она бродила под дождем среди старых каменных стен.

– Мы в этих странах будем встречаться! – убежденно говорила Танька. – Я себе сделаю красивую прическу, выйду за богатого, и мы тоже будем ездить по разным странам.

Инга смотрела на редкие тонкие Танькины волосы, на ее

широкий нос над маленьким, всегда недовольным ртом и ничего не говорила. Она вдруг поняла, что ей нужно чаще молчать. Инга научилась говорить сама с собой, ей казалось, что она говорит с той женщиной из северной страны, которая приходила к ней в снах. Кто та женщина, Инга не знала. В школьной библиотеке она нашла книжку про скандинавских королей и долго сидела перед зеркалом, сравнивая себя с картинками из книжки. Ей нравилось, что у нее узкое лицо с большими темными глазами и широким ртом с припухлыми губами. Черные волосы немного вились, были постоянно в беспорядке, но это ее не беспокоило. Беспокоил ее нос, он казался ей слишком длинным, но потом она увидела, что большинство королей из книжки были с огромными носами, и успокоилась. Ингу вполне устраивало, что она похожа на королей, пусть даже с такими носами. Родители ей намекали, что в ней намешано много разной крови, но на вопрос, кто были ее далекие предки, пожимали плечами и говорили, что помнят только своих бабушек и дедушек, которые ничем заметным не выделялись. Разве что один из дедушек однажды попал в тюрьму, но за что – никто не знал и знать не хотел. До этого он бросил семью и считался пропащим и ничемным человеком. Когда Инга спрашивала, почему ее называли таким странным именем, родители улыбались и говорили, что они очень хотели, чтобы их дочка не была похожа на бесчисленных Тань, Наташ и Люб.

– Когда я рожала, то в палате нас было шестеро, – говори-

ла мать. – И трое родили Наташек. А тут пришел отец и предложил имя – Инга. Мне понравилось, ты будешь чувствовать, что надо тянуться за своим именем, соответствовать ему! Женщина с именем Инга не может быть алкоголичкой и выносить помойное ведро в рваном пальто с ключьями ваты, торчащими из прорех.

– И потом, Инга – всегда Инга! – говорил отец. – Татьяна может быть Танькой, Елена – Ленкой, а Инга и в семь лет Инга, и в семьдесят!

Однажды Танька поймала Ингу в школьном коридоре, взяла под руку и утащила к лестнице – подальше от любопытных глаз.

– Я тут книжку прочитала! – сказала Танька ей на ухо, показывая что-то завернутое в газету. – Она почти запретная, всего одна в нашей библиотеке, мне ее Марья Степановна по знакомству дала на два дня. Я две ночи читала, оторваться не могла.

– А что за книга?

– Это про женщину, которой предложили стать ведьмой, а потом сделали королевой. Представляешь! Надо быть просто очень красивой, и тебя сделают ведьмой.

– Бред какой-то, – пожала плечами Инга. – Я, например, не хочу быть ведьмой.

– Ну ты дура что ли! – зашипела Танька. – Ведьмы летать могут. Хочешь на метле, хочешь на половой щетке! Я бы

прямо сейчас села на щетку и улетела отсюда. У тебя дома все спокойно, а мы с матерью гадаем, придет отец пьяный или нет. Хотя он и трезвый тяжелый. Начинает гундеть про власть народам и землю крестьянам, да и меня начнет учить, как надо жить. Пьяный хоть упадет на диван и спит до утра.

– Я понимаю, но ведьмой быть не хочу. Я хочу быть журналистом.

– Ну и будь! – рассердилась Танька. – А книгу я тебе все равно дам почитать на два дня. Я Марье Степановне скажу, что не успела дочитать. Она добрая, простит.

Танька протянула Инге книгу. «Мастер и Маргарита» – прочитала Инга на обложке.

– Мастер – это полный козел и ботаник! – заявила Танька. – За что его Маргарита полюбила – не знаю. Ты можешь сразу начинать с того, как Маргарите волшебный крем подарили. Там еще история всякая, ты ее тоже пропусти.

– Сказка все это, – сказала Инга, листая книгу. – Сатана, ведьма, бал, королева, кот какой-то...

– Это не сказка, – прошептала Танька. – Там про полнолуние... Я тебе по секрету скажу, что когда полнолуние, то я спать не могу, стою у окна и кажется мне, что лечу куда-то... Я как прочитала, то сразу подумала, что это книга про меня.

– Ну, ладно, – улыбнулась Инга. – Если про тебя, то я прочитаю. Через два дня верну.

Под утро Инга закрыла книгу и прошептала: «Нет, Танька, это не про тебя, это про меня!».

Инга опять открыла книгу и, полистав страницы, нашла слова: «Как причудливо тасуется колода! Кровь!». Взяв с тумбочки зеркальце, Инга долго смотрела на свои глаза, нос, распухшие губы, которые она беспощадно кусала, когда читала книгу. Потом потушила лампу, встала с кровати и тихонько, чтобы не разбудить сопящего Сережку, подошла к окну. По небу плыли желтые ночные облака, где-то за ними была луна, но сейчас вместо нее только светлое пятно. Инга вдруг почувствовала, как забилося ее сердце. Оглянувшись на спящего Сережку, она подошла к шкафу, где в одну из дверок было вделано большое зеркало, и сняла ночную рубашку. Зеркало отражало стройную фигурку, с набухшими грудками, с темными растрепанными волосами, огромными, чуть блестящими глазами. Инга приподнялась на цыпочки, глубоко вздохнула, заложила руки за голову, закрыла глаза и представила себя в полете над ночными облаками, в серебряном свете луны, среди мерцающих звезд.

Тут засопел Сережка, сбросил во сне одеяло и тихонько застонал. Инга подошла к нему, укрыла, погладила по голове и, надев рубашку, нырнула в свою еще теплую постель.

– Ну, как? – спросила Танька на перемене.

Инга пожала плечами.

– Сказка, но написано хорошо. Я скоро дочитаю и завтра книгу принесу.

Но на следующий день книга не появилась в руках у Таньки. Она была положена в пакет и приклеена лейкопластырем

к днющу платяного шкафа. «Танька, прости, – шептала Инга, пряча коробочку с пластырем в домашнюю аптечку. – Эта книга должна быть со мной, там каждое слово написано для меня!».

– Как потеряла? – Танька был ошарашена. – Да в нашем городишке даже спичку негде потерять! Иди сама к Марье Степановне и все ей объясняй.

– Так... – Марья Степановна, сухонькая женщина с пучком седых волос на затылке, была очень расстроена. – Это такая редкая книга. Я даю вам, девочки, месяц, чтобы вы нашли книгу. Она не могла пропасть, найдите и верните.

Через месяц книга не нашлась. Инга читала ее, когда дома не было родителей. Чтобы не возбуждать интерес Сережки, Инга надела на книгу красную пластиковую обложку, и она стала неотличимой от ее учебников. Некоторые страницы Инга уже знала наизусть. Она теперь ходила по улицам и всматривалась в лица прохожих, пытаясь найти кого-нибудь из героев книги, случайно забредших в ее городок. Но никого не было: ни Азазелло с его волшебным кремом, ни кота, который превратился в юношу-шута, ни мрачного рыцаря Коровьева, ни всемогущего Воланда, ни Мастера, с его романом и странной любовью необыкновенной женщины. Все было серо, знакомо и тоскливо.

Вскоре мать достала из почтового ящика письмо, где им предлагалось или вернуть книгу, или заплатить большой штраф.

– Какая книга? – спросила мать, положив письмо на тумбочку в прихожей и начав снимать сапоги.

– Я потеряла библиотечную книгу, – тихо сказала Инга.

– Где ты ее могла потерять? – удивилась мать.

– Не знаю, я ее уже месяц ищу, видимо придется платить штраф.

– Вот сама и плати! – внезапно рассвирепела мать и ударила ее сапогом по спине. – Умеешь терять, умей и зарабатывать.

Инга ничего не ответила и ушла к себе в комнату. Там она села на кровать и заплакала.

– Ты чего? – подошел к ней Сережка.

– Отстань! – Инга вскочила с кровати, пошла в прихожую, схватила куртку, надела сапожки и выбежала из дома.

Через месяц книга нашлась. Пластырь отклеился, и книга упала на пол, где ее увидела мать, протиравшая полы.

– Ладно, – сказал отец. – Два раза за один поступок не наказывают. Это не вещь, а книга – воровством считать не будем... Если так получилось, значит, нужна она ей.

Ветер гонял по дорожке Александровского сада желтые листья берез. День оканчивался темно-золотым закатом, купола храма Христа Спасителя темнели на фоне сверкающего неба. Было тепло и необычно пустынно. Мы сидели на скамейке с женщиной лет тридцати пяти, ее темные волосы трепал теплый ветер бабьего лета, темные очки скрывали глаза,

узкое лицо было бледным и усталым.

– Ну вот, писатель, – сказала женщина, – теперь ты знаешь историю про девочку Ингу. История не очень красивая, но девочка, хоть и выросла с тех пор, ни капли не сожалеет о случившемся. Книгу эту возили по всей стране, сейчас она в Москве, со штампом уральской библиотечки на семнадцатой странице. Если хочешь, напиши об этом рассказ.

Я смотрел на женщину, видел ее грусть и не понимал, что надо сейчас сказать, чтобы она улыбнулась. Это была случайная встреча. Мой путь часто проходил через Александровский сад, и я обратил внимание на худенькую женщину в темных джинсах и черном свитере, которая почти каждый день сидела на скамейке около березок. Сегодня я подошел к ней и спросил, не Аззелло ли она тут ждет. Женщина вздрогнула, сняла темные очки, посмотрела на меня немного близорукими глазами и вздохнула:

– Допустим, что так, но ведь вы не Аззелло.

– Внешность обманчива.

– Хорошо, вы – Аззелло. Но зачем вы мне сейчас? Жилищный вопрос я решила сама, Летать на самолетах удобнее, чем на половой щетке, красотой я не обижена, да и косметические кабинеты мне продадут молодильный крем не хуже вашего, который пахнет болотной тиной. А пропащего Мастера у меня нет и просить мне не за кого.

– А вы хотите встретить Мастера?

– Хочу, он ведь выиграл кучу денег.

– Он еще роман написал.

– Романы я и сама могу писать.

– Так вам нужны только деньги Мастера?

– Нет, я сама зарабатываю, в отличие от героини романа.

– А зачем вам Мастер с деньгами?

– Мастер с деньгами – это совсем другой мужчина, чем без денег. Он уверен в себе, он великодушен и щедр, он может написать роман или просто совершать бездумные поступки ради женщин.

– Ну, я вам желаю... – начал я и осекся.

То ли случайный солнечный луч пробился сквозь листву, то ли слезы блеснули в ее глазах, но я увидел, как вспыхнула искра в ее взгляде, как она погасла под густыми ресницами, как снова открылись огромные глаза, увлекающие, бездонные, от которых теряешь голову и совершаешь глупости.

– Кто вы? – спросил я. – Я вас где-то видел.

– «С разбега сшиблись кони и на дыбы взвились, потом друг мимо друга как ветер понеслись». Возможно, если вы были участником рыцарского турнира.

– Есть другие варианты?

– Может, вы были матросом на каравелле, которая перевозила меня из Швеции во Францию?

– Нет, я был тогда поэтом в маленьком итальянском городке.

– Я заезжала в Италию, возможно, вы тогда меня и видели.

– Да, я помню... я шел по дороге, меня обогнала карета, запряженная шестеркой лошадей, за ней скакала дюжина вооруженных всадников. Карета остановилась около большого дерева, вам накрыли столик с напитками и фруктами, вы вышли в светло-сером дорожном платье.

– А что у меня было в руках?

– Книга... Это была книга Данте...

– Про книгу вы помните, а вот с автором ошиблись. А вы, случайно, не писатель?

– Сейчас все писатели...

– В общем, да... а хотите, я вам расскажу историю про книгу и девочку, которая поняла, что была королевой?

– Да...

Женщина надела темные очки и начала свой рассказ о том, что нужно закрывать лицо руками, когда проснулся и очень хочешь запомнить свой сон.

Наблюдения

Глупые люди милы, пока не начнут высказывать свое мнение.

В современных автомобилях постепенно исчезают приспособления для тренировки мышц. Теперь даже крышка багажника закрывается нажатием кнопки.

Встать пораньше означает выпить лишнюю чашку кофе. И ничего больше!

Высшая степень усталости – нет сил для теплых слов.

Тебя не понимают тогда, когда ты сам не понимаешь, что говоришь.

Три косули стоят на газоне и смотрят в мое окно, не понимая, что интересного я мог найти внутри дома.

Труден путь к женственности: американки уже носят длинные легкие платья, но с рюкзаком и шлепками еще расстались не все.

Все легче и меньше телефоны, телевизоры, компьютеры... Мы теряем солидность.

Имея, легко не хотеть.

Иногда кажется, что пришла мудрость. А это просто ушли желания.

Игра на Форексе – это не профессия. Это благотворительность.

Как фото молодеют с каждым годом!

Когда пишешь свою фамилию, то чувствуешь себя человеком, личностью. А если пишешь номер социального стра-

хования, то понимаешь, что ты просто один из миллиардов, временно посетивших этот мир.

Когда у человека есть деньги, а он ходит на работу, то иногда это просто страх остаться с собой наедине.

Лотерейные билеты покупаешь для мечты.

Почему-то только в Москве я ощущаю потребность иметь большие деньги. Наверное, там такая аура. Стоит мне отъехать километров за пятьдесят, как эта потребность исчезает.

Кто-то карабкается на вершину по отвесной стенке, кто-то поднимается по пологому склону. Результат один, просто первые чаще погибают.

Кто-то строит мосты, а кто-то стены. Каждый счастлив по-своему.

Можно ответить на любой вопрос. Например, сказать

«не знаю».

Мы вышли из первобытного океана и растворимся в космосе. Такие мысли помогают не думать о царапине на крыле автомобиля.

Учиться самому никогда не поздно. Бывает поздно учить других.

Характер человека одинаково проявляется как в виртуальном общении, так и в реальном.

Здоровый образ жизни – это или привычка, или скучно.

Неправда, что начинаешь глупеть, когда перестаешь учиться – некоторые умудряются глупеть и во время учебы.

Никто из моих знакомых не разбирается в марках дорогих часов и автомобилей. Особенно те, которые могут все это купить.

Новые цели путешествий: ехать за адреналином и иммунитетом.

Он был из тех, кто всегда говорит: «Погода-то сейчас хорошая, но...».

Очень маленькое и очень большое беспокойство не стимулируют работу. Есть оптимальный уровень беспокойства, когда производительность максимальна.

Политики стали ворчать на базы данных. Там слишком объективная информация. Не учитывается специфика исторического момента.

Чисто русская черта: стать очень богатым, чтобы делать очень дорогие подарки. Или просто швырять деньги на ветер. А ведь это так приятно! Раньше это выражалось в том, что мы пили газированную воду не простую, а с сиропом!

Знакомый американец приехал из Италии. Впечатления?
Макароны понравились!

Жуткое зрелище, когда люди без чувства юмора пытаются шутить – от их шуток до обид и агрессии один шаг.

Дни были настолько похожи друг на друга, что промелькнувшую неделю он замечал только по отросшим ногтям.

Не иметь чувства юмора и шутить – это как петь, не имея музыкального слуха.

У всех есть «портрет Дориана Грея». Это зеркало. А в душе нам всем восемнадцать.

Смешно, когда два политика начинают обсуждать строение элементарных частиц. Еще смешнее, когда два физика начинают обсуждать политику.

Читая новости, начинаешь думать, что скоро мы начнем

нарушать и законы физики тоже.

Что быстрее мысли? Интуиция.

Смысл жизни? – Когда живешь так, что не задаешь этого вопроса.

Вопросы

Ну почему мои желания совпадают только с возможностями других?

Мозг потребляет до 25% энергии, поступающей в организм. Означает ли это, что можно похудеть, лежа на диване и решая кроссворды?

Вот вы говорите, что «коммуналка» подорожала. А меня мучает вопрос: через триста лет, когда Земля будет перенаселена, мы будем селиться на Марсе или на дне океанов?

Все умные слова уже сказаны, все истины стали прописными. А толку-то?

Как можно залезть в душу, минуя тело?

Как отличить озарение от воспоминания прочитанного и забытого?

Почему никто не мечтает стать золотой рыбкой?

Не потому ли у меня ужасный газон, что у соседа он идеальный?

Чувствует ли тигр в зоопарке, что он красивый и сильный зверь?

Чем дольше я живу, тем меньше желание кого-то побеждать или что-то завоевывать. Это что: я всех уже победил или просто обленился?

Почти про себя

Лейбниц говорил, что будущее спрятано в настоящем. Глядя в отражение утреннего зеркала такие страшные мысли лучше гнать от себя подальше.

Лень, недостаток времени, плохое настроения, отвратительное самочувствие – какие прекрасные слова, позволяющие скрыть неумение что-либо сделать!

Не стараюсь быть идеальными – в музеях не так много места.

Не устаю уставать.

Я всегда ошибался, когда пытался поступать логично.

Осторожность в мыслях: думаешь не о том, что будет, а о том, что будет, если...

Перестали раздражать правильные люди. Теперь я их просто жалею.

После анализа мировых трендов перестал завидовать своим внукам.

С помощью мечты, даже самой глупой, пытаешься уйти от страха.

Стал уставать общаться с людьми, ищущими внешние причины своих неудач.

Ты еще не проснулся, а уже надо жить.

Учителя и родители научили меня работать. Но никто не научил меня, как радоваться жизни.

Чем меньше знаешь, тем больше уверен.

Я стал избегать людей, у которых общественное мнение

заменяет знание и рассудок.

Антикварный магазин

– Никогда не проходи мимо антикварных магазинов! – настаивает Влад.

Владу пятьдесят лет, сейчас он холостяк, а значит любит философствовать, классифицировать женщин и заботиться о здоровье. Выглядит он прекрасно: волосы еще темные, лицо мужественное, тело гибкое и крепкое. У него крупный подбородок – когда он надевает шляпу, то его можно снимать в рекламе любых товаров для настоящих мужчин. Живет он в небольшой квартире, заставленной мебелью из ИКЕА. У него все из этого магазина, кроме компьютера и содержимого платяного шкафа. Его интерес к антикварным магазинам мне непонятен, я смотрю на него с удивлением.

– Но ничего там не покупай, – заканчивает он свою мысль. – У антикваров надо думать о бренности нашей жизни, это позволяет выбирать правильные ориентиры.

Об ориентирах я слышу не первый раз. Влад убежден, что каждую минуту ты должен или получать удовольствие, или делать что-то, приближающее эту минуту. И еще надо, пока есть силы, постоянно идти вверх: там, наверху, минуты удовольствия богаче и сочнее. Как пример, он описал свой ужин в ресторане, где стоимость каждого блюда равнялась моей недельной зарплате.

– Ради таких минут можно и попотеть! – заключил он.

Влад работает аналитиком в крупном банке. Там он не очень потеет – три дня в неделю работает из дома, где, забывая про свой банк, пишет философские эссе и консультирует несколько фирм. Заказы на консультации подбрасывают его друзья, бывшие жены и любимые Владом женщины. Все женщины, побывавшие в его квартире, становились любимыми навсегда. Он умудряется помнить и любить всех одновременно. Самое странное, что женщины отвечают ему взаимностью, делятся своими секретами, советуются и советуют. Влад умеет казаться ласковым и сильным, ничего не обещать, все помнить и все прощать.

Мы стояли перед входом в антикварный магазин. Дверь из светлого дуба, в темных царапинах и пятнах. На витрине рядом с дверью расставлены старые фарфоровые вазы, бронзовые полуобнаженные женщины и несколько картин, написанных не позднее прошлого года, но зато в тяжелых бронзовых рамах со множеством завитушек.

Мы вошли, звякнул колокольчик, на звук которого вышел хозяин лавки. К моему удивлению, он оказался довольно молодым мужчиной, высоким, с зачесанными назад светлыми волосами и трехдневной щетиной на худом лице. Хозяин кивнул Владу, мельком взглянул на меня, как бы оценивая мою китайскую пуховую куртку и лыжную шапочку, сделал приглашающий жест и уселся в кресло у окна, полукрыв глаза.

Влад подвел меня к длинному столу, прикрытому небрежно сколоченным ящиком со стеклянными пыльными вставками.

– Видишь эту авторучку? Это «Паркер», один из первых.

У меня в школе была китайская авторучка с золотым пером – предмет зависти одноклассников. Она писала неплохо, но однажды я уронил ее на пол, перо погнулось, я, как сумел, его выправил, но ручка стала царапать бумагу, и ее приходилось наклонять, чтобы хоть как-то избегать скрипа и мелких клякс.

– Это напоминание о будущем, – сказал Влад. – Когда у нас будет много свободного времени, мы будем не по клавишам стучать, а писать такой ручкой на дорогой мелованной бумаге. На компьютере ты за секунду копируешь чужие мысли, не постигая их глубины. Ручка же не позволит тебе спешить: ты будешь вдумываться в каждое слово, ты не сможешь писать небрежно, научишься формулировать свои мысли до того, как они лягут на бумагу. А с компьютером мысли у тебя появляются уже после написанного, когда ты понимаешь, что написанное или плагиат, или дурацкие поучительные советы.

– А что тебе мешает писать такой ручкой прямо сейчас? – спрашиваю я.

Влад состоит из противоречий, которые и делают его привлекательным.

– На пути вверх важнее скорость, а не глубина. Сейчас ни-

кто не воспринимает глубину, она мешает бежать, пожирает время, которого у нас так мало.

– А кто будет читать твои глубокие мысли, написанные на мелованной бумаге?

– Никто, писать нужно для себя, чтоб осознать, что ты успел или не успел, что еще можешь исправить, получить от жизни или отдать ей.

Я никогда не слышал от Влада таких красивых фраз. В обычной жизни он вполне нормальный мужик, с ним можно не спеша выпить на кухне, обсудить, куда катится мир, посоветовать на ускорение времени и на нехватку никуда не спешащих собеседников. Я читал его эссе – писал он их быстро, минут за двадцать. Одно такое эссе Влад написал, пока я на его кухне жарил мясо и готовил салат. В том тексте он утверждал, что степень удовольствия зависит от скорости удовлетворения желания. Мысль была не его, но он сумел привести примеры из своей бурной жизни, безоговорочно доказывающие правоту этого тезиса.

– Сейчас невозможно придумать ничего нового, – говорил Влад, обмакивая кусок мяса в соус. – Мы обречены повторять чужие мысли, примеряя их к себе и к тем, кто нас окружает. При моем темпе жизни я могу писать только так.

– Смотри, какая шикарная вещь!

Влад снял с полки бронзовый, местами позеленевший подсвечник.

– Представь, ты сидишь за большим столом, покрытым зеленым сукном, горят три свечи, на бумаге мелькают тени. Огонь – это жизнь! Ты никогда не будешь чувствовать себя одиноким с таким подсвечником!

Я не мог представить Влада, страдающим от одиночества. «Скайп» он выключал только, когда к нему приходили гости.

– Чем старше мы становимся, тем меньше людей, с кем хотелось бы поговорить, – Влад как-будто прочитал мои мысли. – Вот тогда пламя свечи и будет скрашивать твоё одиночество.

– Может, лучше собаку завести? – предложил я.

– Никогда! Она будет мучиться, когда меня не будет дома. Нельзя ради вечерних удовольствий заставлять кого-то страдать весь день.

– А твои женщины не страдают?

– Нет, мы расстаемся, когда я чувствую, что без меня им будет лучше, чем со мной.

Я промолчал, понимая, что его погруженность в себя быстро подталкивает женщин к такой мысли.

– А вот ещё одна вещь, что может скрасить наше будущее.

Влад показал на старый механический арифмометр. Там надо было двигать рычажки, устанавливая числа, а потом крутить ручку, чтобы выполнить нехитрые математические операции.

– Это заменит тебе калькулятор в телефоне?

– Да, когда я не буду торопиться и смогу думать о каждой

цифре.

У Влада была ученая степень по математике, он блестяще владел компьютером, знал десяток языков программирования, и я не мог представить, как он крутит ручку арифмометра. Но говорил он красиво, и я слушал, не перебивая.

– Математика давно устарела – она не может описать наши чувства, мечты, наше восприятие мира, его красоту и гармонию. И это кусок железа будет напоминать, что все наши компьютеры – это просто улучшенные версии арифмометра. В них нет души, как нет ее в этой старой машинке.

Гармония мира и цифровая техника – это вторая любимая тема рассуждений Влада. На первом месте стоят женщины с их непостижимостью и отсутствием логики Аристотеля.

– Поцарапаешь ты стол этой машинкой, – сказал я, разглядывая арифмометр.

– Ерунда! В ИКЕЕ я куплю резиновые пупки-самоклейки – пусть прогресс немного коснется старины.

Мы подошли к ящику, где стояли конверты со старыми грампластинками. «Ну уж тут Владу будет нечего сказать!» – злорадно подумал я.

– Ты знаешь, что у меня в планшете закачаны сотни песен, нонстоп музыка на целый вечер – сказал Влад, разглядывая тяжелую шеллачную пластинку. – А тут одно старое танго Оскара Строка, 78 оборотов в минуту. 390 оборотов и песня кончается. Тебе надо подойти к граммофону и поставить новую пластинку, чтобы продолжить праздник.

– Так это же неудобно, я уж не говорю про качество звука.

– Сейчас музыка из компьютера и телефонов – это просто фон нашей жизни, способ заглушить воспоминания, уйти от грустных мыслей о бренности бытия. А если тебе надо встать и что-то сделать, чтобы услышать любимую мелодию, то это совсем другое восприятие. Это будет минутой, приносящей наслаждение, ради которой тебе пришлось оторвать зад от дивана. А шум... Посмотри в окно!

Я посмотрел. Окно явно не мыли года два, но еще можно было разглядеть, что на улице спустился зимний вечер, пошел снег, мелькающий желтыми точками в свете уличных фонарей.

– Ты видишь, как спокойно на улице, как бесшумно падает снег. И даже грязное окно не мешает тебе это почувствовать. Как математик, я могу сказать, что у тебя в голове включились фильтры, отсеивающие лишнее и дополняющие то, что ты не видишь. Качество восприятия зависит от тебя самого, а не от шума и пыли, которые ты перестаешь замечать, когда начинаешь думать. Заботит ли тебя размытость фотографии, если на ней изображена любимая женщина? Волнуют ли тебя ее одежда и поза? Ты ее не видишь, а представляешь. Представляешь такой, какой ее любишь.

И тут я понял, за что Влада любят женщины. Его можно без усталости слушать даже тогда, когда он нес полную чепуху. Хозяин лавки приоткрыл глаза и наклонился вперед, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Будете покупать? – поинтересовался он. – Сегодня у нас скидка. Три пластинки по цене одной.

Влад пожал плечами.

– Сергей, ты же знаешь, что я только готовлюсь жить по-человечески.

– А сейчас ты как живешь? – блондин встал и подошел к нам.

– Как робот! Впитываю, запоминаю, осмысливаю. Ты же знаешь меня. Кстати, как здоровье твоего отца?

– Неважно, – на лице блондина отразилось нечто, похожее на печаль. – Боюсь, что через пару месяцев мне придется продавать эту лавку.

– У меня есть связи, знакомые доктора. Могу я помочь?

Блондин покачал головой.

– Жаль, эти сокровища разбредутся по городу.

– На помойку они разбредутся, – вздохнул блондин. – Кто купит этот хлам.

– И то верно, – согласился Влад. – Через пару месяцев я еще не буду готов начать снижение.

– А на твоём взлете ты ничего не купишь про запас?

– Нет, – сказал Влад. – Я еще живу, а это будет тянуть меня вниз.

Мы вышли на улицу. Стало совсем темно, где-то в конце улицы гудела снегоуборочная машина. Влад вынул из кармана телефон.

– Ты извини, мне нужно сделать важный звонок.

Я кивнул, похлопал его по плечу и пошел к автобусной остановке.

Философское

Оптимальное расстояние

Непросто постоянно жить с любимой в маленькой комнате.

Жить с любимой на разных континентах – это еще хуже.

Значит, существует оптимальное среднее расстояние между любимыми.

Есть ли разница?

Читать во время еды нельзя. Это знают все, взрослые и дети. Мысль во время еды должна находиться в нижней половине туловища. А если сказать так: «Во время чтения я люблю что-нибудь жевать». Вроде есть разница? А результат тот же.

Что пить?

Прочитал, какие алкогольные напитки надо пить при различных болезнях.

Пришел к выводу, что мне надо пить все подряд.

Новости из будущего

- Чем будет заниматься человечество через тысячу лет?
- Воевать.
- ???

– Столько тысячелетий воевали, привыкли.

Защита

Сделать в компьютерной программе защиту от дурака несложно. Сложно сделать защиту от умного с шаловливыми ручонками.

Лыжи и велосипед

Сколько можно придумать отговорок, чтобы велосипед и лыжи спокойно стояли у стенки гаража!

Рай

Если рай существует, то меняется ли он с научно-техническим прогрессом на Земле? Короче: есть ли сейчас в раю смартфоны?

Фараоны

Мы знаем имена сотен египетских фараонов – найдены списки. Листаем календарь: вот прошел год, два, десять, сто лет – в эти годы правили пять фараонов. И это все, что осталось в истории от этих ста лет.

Золотая цепочка

В популярных околонуучных книжках можно встретить умопомрачительные истории. Например, в куске угля была найдена золотая цепочка. Это является «доказательством»

существования древней исчезнувшей цивилизации. Очень хочется пнуть Дарвина с генетикой и поверить во что-нибудь этакое. А то зима, весна, лето, осень, работа, дом. И ветер, как и год назад, колышет занавески.

Старый дом

Если тихо-тихо войти в заброшенный дом, бесшумно пройти по пыльному коридору, найти комнату с оборванными обоями и очень осторожно открыть обшарпанный сундук, заваленный грязными тряпками, то ничего интересного в этом сундуке вы не найдете. Тут самое главное – запомнить свои ожидания, чтобы потом сесть за стол и найти в своей памяти старинную рукопись, которая хранилась в этом сундуке.

Философское

Может ли человек, который не любит коньяк, судить о его вкусе?

Богатство

Лао Дзы говорил, что богач – это человек, довольствующийся самим собой. Если это так, то мое богатство сменяется бедностью несколько раз в день.

Сосуды

Кажется, восточные мудрецы говорили, что люди как со-

суды – ценны тем, чем их наполнили.

А почему мудрецы промолчали о дырявых сосудах? Ведь они тоже ценные, только ненадолго. И еще они заставляют жить и чувствовать быстрее.

Брызги

Все люди делятся на две категории. Одни в дождливую погоду забрызгивают носки ботинок, у других забрызганы брюки сзади. Говорят, что есть люди, способные не делать ни того, ни другого, но я таких еще не встречал.

Все годы меня мучает вопрос: совместимы ли в личной жизни люди из разных категорий? И британских ученых надо попросить исследовать: какие они, эти разные люди? Как они относятся к вегетарианству, любят ли они полнолуние, творчество Хуана Миро и мешают ли они водку «Абсолют» с пивом?

Вехи

Мужчина купил квартиру и все время сдает ее. Сам он живет на съемных.

Живет год, потом переезжает на новое место. Квартиры как годовые вехи.

Иначе все замазывается серой краской обыденности.

Два врача

Первый врач смотрит на результаты анализов, на рентге-

новские снимки и говорит, что все зашло слишком далеко, надо срочно делать операцию.

Второй врач смотрит язык и говорит, что можно обойтись таблетками.

Второй врач нравится больше.

Зона

Еще одна беда с возрастом. Все труднее находиться в зоне дискомфорта, где приходится заниматься тем, к чему не привык.

Болезнь

У тяжелой болезни один плюс: ты начинаешь ценить уже не дни, а часы.

Обоняние

Когда ухудшаются зрение и слух, обостряется обоняние. Но это не плюс, а еще один минус.

Мысли

– Не в деньгах счастье, – говорят богачи.

– Мне так мало надо для жизни, – говорят те, у кого от вещей ломаются шкафы.

Выходные

Что-то не так в твоей жизни, если утром в субботу начи-

наешь расстраиваться, что в понедельник опять на работу. Это я не про работу. Это о том, как провести выходные и вообще жить.

Сколько раз

Англичане говорят: «Два раза отмерь, один отрежь». Русские отмеряют семь раз. Вот же как! Пока русские отмеряют, англичане успевают три раза отрезать.

Презрение

Профессиональные фотографы постоянно говорят об игре света и тени, презрительно поглядывая на новичков. А вот уравнение Шредингера они написать не могут!

Лучше некуда

Кто-то мне посоветовал, что надо сегодня быть лучше, чем вчера.

– А если лучше некуда? – спросил я.

– Тогда – хуже. Главное – не стоять на месте!

Психиатры

Подумал: как тяжело жить психиатрам. Они везде и всегда общаются с пациентами.

Великие мысли

Грустно, что все великие мысли давно стали банальностью-

ми.

Паника

Паника – тоже двигатель прогресса. В панике обязательно сотворишь что-то такое, что в нормальном состоянии и в голову не придет!

Банальность

Любой, кто попытается посоветовать, как надо жить, обязательно напишет банальность.

Поиск

Не ищи идеальную женщину. Поверь, что идеальные женщины ищут не тебя!

Свобода

Пишут, что истинная свобода начинается с потери всего, что ты имеешь. Другие пишут, что свобода начинается с миллиона долларов. Это крайности. Если истина посередине, то свобода начинается с пятисот тысяч.

Брюки

– Посмотри, какие у меня брюки! Нет, я понимаю, что надо работать над внутренним миром, но брюки покупать приятнее!

Садовое

Раз в год во мне просыпается что-то первобытное – хочется что-то выкопать или закопать.

Однажды мы купили прутик, который в магазине называли черной смородиной. Я воткнул прутик в землю и забыл про него. Моя забывчивость и нелюбовь кроликов к смородине помогли прутнику выжить и превратиться в огромный куст. С него надо было собирать ягоды, но в этом нам помогали птицы, так что особых забот куст не доставлял. Рос он, рос и начал от этого уставать.

– Надо вырезать старые ветки, – посоветовали мне.

Я вырезал.

– Надо кормить его навозом, – посоветовали мне.

Я накормил.

– И еще поливать надо.

Я полил.

– Весной вокруг куста надо землю рыхлить, – не могли уговорить меня советчики.

Я рыхлил, поливал, кормил и вырезал.

Куст был доволен, что за ним начали ухаживать, но не очень. Через два года он выпустил последние листья и замер в ожидании чуда. Чуда я ждал год, продолжая поливать, вырезать и рыхлить. Куст терпеливо все это переносил, потрескивая засохшими ветками.

– Прощай! – сказал я сегодня кусту и взялся за последнюю ветку.

Ветка свободно вышла из холодной апрельской земли.

– И что дальше? – прошептала она с укором.

– Я буду помнить тебя, – сказал я.

В гараже стояла емкость, на которой красовалась надпись:

«Это все, что тебе нужно».

Оказалось, что мне в жизни нужны только семена травы вперемешку с удобрениями. Я высыпал содержимое емкости на место, где попрощался с кустом. Теперь там будет выживать трава. Я не буду ей мешать.

О белках

Белка закапывала свои сокровища на газоне и устала.

Прилегла на траву, глаза закрыла.

Через минуту прилетели три вороны – три санитарки леса.

– Готова? – спросила первая ворона.

– Теплая еще, – ответила вторая.

Третья ворона ничего не спросила, а подошла к белке и внимательно на нее посмотрела. Белка шевельнула хвостом.

– Вот зараза! – сказала первая ворона.

– Щас исправим! – сказала вторая ворона и клюнула белку в хвост.

Белка привстала, распушилась, показывая, что ее так просто не уморишь. Вторая ворона прицелилась клюнуть белку еще раз. Белка подпрыгнула, пытаясь приземлиться на спину нахалке. Вороны взлетели и сели на ветку старой яблони.

– Такой завтрак испортила! – огорчилась первая ворона.

– А как красиво лежала! – добавила вторая.

Третья ворона вздохнула, но ничего не сказала.

В спортзале

В спортзале я был один. Все остальные работали или обедали.

– Ух ты! – сказал я, открыв дверь.

Прежде всего меня поразили окна. Сквозь них виднелись небоскребы, в которых сидели люди, не познавшие радость занятий спортом в рабочее время. На стенах висели картин-ки с тощими девицами и мускулистыми мужчинами. Девицы мне не понравились, мужчины тоже.

– Вот пусть они и любят друг друга, – решил я и пошел исследовать зал.

За одной из дверей я нашел сауну. Там было темно и жарко. Попарившись в кроссовках и в спортивном костюме, я открыл другую дверь, где оказалось джакузи. Зеленая вода бурлила, но хлоркой не пахла.

– Чистят лучом лазера, – догадался я, вспомнив бассейн в Коста-Рике, где вода тоже ничем не пахла, и где можно было выпить коктейль, не вылезая из воды.

– Да... сервис тут еще не налажен, – вздохнул я.

Сделав водный массаж указательного пальца, я пошел дальше. Душ и туалет-раздевалка мне понравились, но не заинтересовали. В зеркальной стене я увидел отражение муж-чины, бывшего совсем недавно в самом расцвете сил. Муж-чина совсем не походил на мускулистых красавцев с карти-

нок, но это меня не огорчило – эти красавцы любили высохших девиц и конкуренции мне не составляли.

Вскоре я наткнулся на огромный агрегат, на котором из положения лежа надо было поднимать штангу. На агрегате сверкали ручки, звенели натянутые тросы и маняще блестела черная кожа лежака.

– Слишком много шика! – вспомнил я слова Остапа Бендера.

Подергав ручки и пощелкав регуляторами, я попробовал поднять штангу из положения стоя. Штанга не поддавалась.

– Заклинило! – догадался я и оставил агрегат в покое.

В углу на стойке лежали другие штанги самых разных размеров.

– Если хочешь быстрее чего-либо добиться, то начинай с короля, – вспомнил я совет мушкетеров и попробовал поднять самую большую штангу. Мне удалось свалить ее на пол и даже немного покатать.

– Неплохо для начала, – обрадовался я.

Беговая дорожка с дисплеем порадовала. Дисплей работал и показывал всё-всё-всё.

– Я альпинист или тварь дрожащая, – подбодрил я себя и включил скорость 10 км/час с наклоном 30%.

Через минуту по спине побежали капли пота.

– Зря ты в сауну ходил! – издевательски хихикнул внутренний голос.

Еще через минуту мне показалось, что я уже совершил

траверс через две вершины Эльбруса.

– Спуск – самое опасное, – вспомнил я одну их заповедей альпинистов и уменьшил числа в два раза. Вскоре колени стали ватными, захотелось пообедать и залезть под одеяло.

– Надо оставить силы для других снарядов, – решил я и выключил дорожку.

Подъемы туловища с закрепленными ногами прошли на ура.

– Худой ты, вот и легко, – поиздевался внутренний голос. – Поиграй лучше с палкой.

Палок было много. Цветные насадки означали разный вес. На картинке хлипкая девушка легко вращала палку над головой, изображая вертолет на взлете. Я взял палку весом 30 кг, легко поднял ее и попытался вращать...

Мне удалось из под нее вовремя выскочить.

В другом углу висели кольца и хваталки, переплетенные резиновыми веревками.

«Растянутое тело – здоровое тело» – прочитал я на плакате. Там же мелкими буквами кто-то приписал, что администрация ни за что не отвечает.

Засунув руки и ноги в кольца, я повис в очень странной позе.

– Хорошо, что меня девушки не видят, – подумал я, пытаясь освободиться.

Это было непросто. Я извивался, тело все больше растягивалось и становилось с каждой секундой здоровее.

Все! Через десять минут я был на свободе и подошел к стойке с гантелями и гирями. Вспомнив мушкетеров, попытался поднять самую тяжелую гирию. Мне это удалось, но ненадолго. Гирия упала обратно на стойку, слегка ее погнув.

– Китайская работа, – огорчился я. – Железа не докладывают!

Через полчаса я был в офисе.

– Хочешь ходить со мной в спортзал? – спросил я друга-физика.

– А на фига? – удивился он, не отрываясь от компьютера.

– Будешь молодой и красивый.

– Я и так красивый, – сказал друг-физик, барабаня по клавишам.

Попытка казаться умным

– Володь, – обратился ко мне приятель, – выручай.

– Сколько? – поинтересовался я.

– Я не про то. У меня сын, пятнадцать лет, кроме барабана ничем не интересуется. Авторитет у меня никакой. Приходи, пусть он послушает умного человека.

– Это где ты умного нашел? Я про барабаны ничего не знаю.

– Вот в том и дело, что надо его от этого ужаса отвлечь. Ни нам, ни соседям покоя нет. С меня ужин и так далее.

Сын сел в кресло и приготовился слушать умное. Я откашлялся и начал рассказывать, как работают банки и фондовый рынок. Юный барабанщик закрыл глаза.

– Экономика не катит, – сказал я отцу. – Надо что-нибудь повеселее.

Начался рассказ про квантовую механику и про корпускулярно-волновой дуализм. Тут закрыл глаза отец.

– Сменить тему? – поинтересовался я, когда он на секунду открыл глаза.

Он кивнул. Я плавно перешел к отличиям христианства от мусульманства. Отец и сын хранили гробовое молчание. Я почувствовал, что по спине у меня бегут капли пота.

– А теперь вопросы, – громко сказал я.

Отец вздрогнул, открыл глаза и стал морщить лоб.

– У меня вопрос, – сказал сын. – Вот почему барабан громкий, а бубен тихий?

Я взял блокнот и стал рисовать схему акустического резонатора.

– Неправильно! – сказал сын. – Барабан громкий потому, что по нему палочками бьют. А по бубну – рукой.

Из прошлого

Книг и фильмов о переносе человека в будущее много. Из прошлого в настоящее – тоже хватает. А если подумать о себе?

Вот я – студент МФТИ. Почти отличник, спортсмен. С комсомольской работой плоховато, но это сейчас прощается. И вдруг – чудо: я сел в кресло, нажал кнопку и попал в 2016 год. И что?

Первым делом я хватаю за пуговицу пробегающего студента.

– Извини, друг. Я тут из прошлого, ненадолго. Брежнев еще жив?

– Нет.

– Вы управляемый термояд сделали?

– Нет.

– Общежитие отремонтировали?

– Да, но пора снова ремонт начинать.

– Сверхпроводимость при комнатной температуре?

– Нет.

– Метро до Савеловского ходит?

– Да.

– Теорему Ферма доказали?

– Да.

– На Марс слетали?

– Только автоматы.

– Личные вертолеты есть?

– У меня нет.

– Какая тактовая частота компьютеров?

– Больше трех Гигагерц.

– Ого! А видеотелефоны есть?

– У каждого в кармане. И еще Интернет есть.

– Это что?

Мне рассказывают про доступность книг, новостей, фильмов, электронную почту, возможность общения через океан.

– Это как? А цензура?

– Нет.

– И можно запросто поехать в Европу?

– Хоть в Антарктиду.

– А машины, продукты в магазинах, рестораны, гостиницы?

– Только деньги давай.

– Обалдеть! А сколько ученый получает?

– В месяц тысяч двадцать, а то и сорок.

Я тихо сползаю на пол. Вот оно какое будущее! Раньше только двести получали.

Когда я вернулся в свое время, то меня спросили, сколько в будущем стоит бутылка водки.

– Не знаю, забыл узнать.

– Ну вот, только зря время потерял.

Мир Кристины

(по мотивам картины Эндрю Уайета)

Маленькая ферма на одном из холмов Айовы. Конец июля, полдень, жара. У большого сарая в инвалидном кресле сидит Кристина. Она переболела полиомиелитом, ноги ее не слушаются. Сейчас ей нечего делать, она перебирает пальцами волосы и смотрит на поле под холмом, где разложены брикеты сена, увязанные проволокой. Кевин Олсон с работником собирают их в кузов грузовичка.

Кристина может подъехать к изгороди и посмотреть с другой стороны холма. Там трава еще не скошена, ветер гоняет по ней зеленые волны. За полем чернеется лес, где, наверное, тихо и прохладно. Кевин говорил ей, там растут дубы и осины. Кристина видела, что осенью лес раскрашивается в желто-коричневые пятна.

– Желтые листья у осин, – объяснял ей Кевин. – У дубов листья коричневые. Они будут висеть всю зиму, а в марте упадут на снег. И еще у дубов желуди.

У Кристины есть книга с картинками – там она нашла рисунков желудей.

– Они вкусные?

Кевин отрицательно качает головой.

Если аккуратно объехать старые молочные бидоны, то можно увидеть загородку из металлической сетки, за которой гуляют золотисто-черные куры. Рядом еще одна загородка, в которой выкопана канава. После дождей там собирается вода, в которой плавают два белых гуся и три серые утки.

– Почему гуси всегда белые и чистые?

– Перья у них жирные, к ним грязь не прилипает.

Кристина это понимает. В августе они будут выжимать масло из семечек подсолнухов, и если смазать маслом руки, то они почти не пачкаются.

Двери сарая открыты. Там сейчас пусто, только бойкие бурндуки бегают по полу и прячутся от Кристины в сене. Осенью туда загонят коров. Сено заготавливается для них.

– Неужели им зимой не холодно?

Кевин пожимает плечами.

– Никто такие сараи не отапливает. Коровы в сене лежат, согревают друг друга.

За сараем огород: бобы на палках с проволокой, грядки с морковью и тыквами. Это на зиму. За огородом сад, где растут яблони. Когда Кевин уберет сено, они будут делать сидр и повидло. Кристина любит нарезать яблоки. В воздухе стоит густой аромат, на который слетаются осы. Они не обращают на Кристину внимания, ползают по горке нарезанных яблок, выбирая потемневшие места.

Солнце припекает. Кристина подъехала к сараю, где есть узкая полоска тени. Тут ничего не происходит и Кристина

засыпает.

– Кристи, ты о'кей?

Это Кевин вернулся с поля, и сейчас они с работником разгружают брикеты. Работника зовут Боб. Рыжеволосый, улыбочивый, крепкий.

– Кристи, у тебя красивые волосы!

– Волосы и глаза у нее от покойницы матери, – поясняет Кевин.

Кристина молчит. Она как-то прочитала, что когда хвалят некрасивую женщину, то всегда говорят, что у нее красивые волосы и глаза.

– Мы быстро закончим и пойдем обедать, – предлагает Кевин.

Ему сорок, но выглядит он как мальчишка. Ежик русых волос, загорелое лицо с морщинками в уголках глаз, большой рот, всегда готовый улыбнуться. Он кажется несерьезным, легкомысленным. Только иногда, по вечерам, когда он на крыльце курит дешевые вонючие сигареты, можно увидеть слезы на его щеках. Хотя это могли быть ненастоящие слезы. В Айове сильные ветры, тут и у счастливых людей глаза слезятся.

– Я приготовила суп. Сейчас поеду и пожарю четыре яйца.

Кристина может сама заехать в дом. Кевин приладил длинные доски и навесил перила с одного края крыльца. Одной рукой надо крутить колесо у кресла, а второй придерживать за перила.

– Вечером можно съездить на озеро, там прохладно.

Кристина отрицательно качает головой.

– Поезжай с Бобом! Я почитаю или послушаю радио.

Две недели назад они ездили на озеро. Кевин поставил ее кресло на край песчаного пляжика, разделся и поплыл. Тело у Кевина белое, мускулистое, загорелые кисти рук похожи на перчатки. Кристина смотрела на него и отмахивалась от комаров веткой. Голова кружилась – некуда от солнца спрятаться, нет рядом ее любимого сарая. Подъехала машина с двумя братьями-близнецами с соседней фермы Джима Уоллеса. С ними гостя – незнакомая красивая девушка. Вежливо поздоровались с Кристиной, попытались с ней поговорить, но не придумали о чем. Кевин закричал им, что вода очень теплая, а на середине озера совсем нет водорослей. Близнецы с девушкой стали раздеваться, Кристина отвернулась, заплакала и решила больше никогда сюда не приезжать.

Обедали дома. На улице есть стол под навесом, но там нестерпимо жарко.

– Надо в город сегодня съездить.

Кевин выскребает остатки кофе из жестяной банки.

– Я вечером съезжу, – предлагает Боб. – У меня все равно сигареты закончились. Кристи, тебе купить конфет, печенья?

– Я люблю блины с яблочным повидлом, – говорит Кри-

стина.

– Она здорово блины научилась печь, – улыбается Кевин. – Испечешь нам на ужин?

– Хорошо.

Кристи отъезжает от стола.

– Я посижу у себя в комнате. Голова болит – это от солнца.

По радио сказали, что жара будет еще две недели.

– Отлично! – радуется Кевин. – Мы успеем все сено собрать и высушить.

– Это хорошо.

– Ты что такая квелия? Хочешь я сварю какао с молоком? Это вкусно!

– Не надо. Я хочу побыть одна.

– Не грусти. Джим Уоллес обещал купить осенью корову и грузовик сена. Я тогда поеду в город. Там, говорят, новый доктор появился, – уговорю его приехать к нам.

– Полиомиелит не лечится.

– Я знаю, пусть он твою голову полечит.

– Не надо. Скоро жара спадет, и все будет хорошо.

– Хочешь, Боб привезет тебе новые журналы с картинками?

– Не надо.

В журналах улыбались красивые мужчины и женщины. Они ездили в дорогих автомобилях, загорали на палубах яхт, ужинали в ресторанах на берегу моря. Это был мир, куда Кристине вход был запрещен. У нее был свой мир, она

к нему привыкла и не любила, когда что-то менялось. И еще лес... Он тоже был частью её мира, но далекой, недоступной. Кевин как-то пообещал свозить ее туда, но потом сказал, что в лесу тоже жарко, и еще там полно комаров и змей. Вот осенью, когда работы на ферме будет не так много, они поедут, соберут желуди, и он сделает из них смешные игрушки для Хеллоуина.

– Как может быть в лесу жарко? Даже в тени сарая прохладно, а там столько тени!

Кевин с Бобом уехали на поле. Через час они привезут брикеты с сеном, Кевин будет возиться с огородом, а Боб поедет в город за кофе и сигаретами. Еще он купит сахар – скоро надо будет собирать яблоки. Кристина подъехала к изгороди и смотрит на лес. От пересохшей травы поднимается горячий воздух, темная полоска леса дрожит, расплывается. А вдруг в лесу есть родник с холодной водой? Такую воду продают в больших стеклянных бутылках. Кристина видела этикетку от такой бутылки. Эта вода, наверное, много вкуснее, чем та, которую Кевин привозит в большой деревянной бочке с краником. У родника можно зачерпнуть ладонями воду и долго пить, ощущая, как прохлада разливается по телу. А потом хорошо бы помыть волосы в такой воде! Они станут гладкими, блестящими, как на картинках в журналах.

До леса всего две мили, жаль, что кресло туда не доедет. Через поле идет тропинка, но сейчас она заросла высо-

кой травой. Ну и ладно! Кевин сейчас занят, надо обойтись без него. Руки у Кристины тонкие, некрасивые, но сильные. Можно попробовать доползти до леса. Если отдыхать по дороге, то не так страшно. Кевин думает, что она спит в своей комнате. До восьми вечера, пока из города не вернется Боб, он ее не хватится. У нее есть шесть часов – вполне можно успеть доползти до леса и вернуться. А если покажется тяжело, то она вернется раньше. Платье испачкается, но его можно потом отстирать. Она все сделает сама. Кевин должен порадоваться за нее.

Вот конец изгороди. Кристина ухватилась руками за столб, подтянулась, кресло наклонилось, упало, она медленно сползла по столбу на землю. Как хорошо! Какая мягкая трава, как пахнут цветы! Теперь вниз, по склону. Это легко. Жаль, что у нее нет третьей руки, чтобы раздвигать траву, когда ползешь. Стебли щекочут лицо, по шее ползают жучки. Ладно, к этому надо привыкнуть и не обращать внимания. Сейчас только вперед, надо успеть вернуться до восьми вечера. Вот склон уже позади. Кристина обернулась и смотрит на дом, сарай, решетку изгороди. Она покинула привычный мир, впереди мир новый, где она никогда не была.

Перед ней взлетел фазан. Глупый, не надо ее бояться! Теперь все, кто живет в траве, её друзья. На руку сел смелый кузнечик. Она стала тут своей? Бабочки тоже летают совсем рядом. Надо остановиться, пусть они все привыкнут. Кри-

стина легла на спину и стала смотреть в белесое от жары небо. Над ней кружится орел. Интересно, а что он думает про нее?

Хочется пить. Надо было взять с собой старую армейскую фляжку. Кевин хранит ее в кладовке. Но что туда налить? Вода из бочки теплая и невкусная. Кофе нет, а какао она не любит. Ничего, скоро она будет в лесу, где найдет родник с холодной водой.

Пора! Кристина перевернулась на живот и ползет дальше. Леса из-за травы не видно, но она знает, что если солнце будет все время справа, то она доберется до тени и вкусной холодной воды. Какое жаркое солнце, как болит голова!

– Кристи!

Тишина. Кевин выбегает из дома. Вот сарай, старый бидон, тень, где любила отдыхать Кристина. У загородки с курами тоже никого нет. Сад с яблонями пуст. У ограды?

– Кристина, где ты!

Поваленное кресло, след в высокой траве. Боже! Что она придумала!

Кевин бежит вниз по склону, ноги путаются в траве, он падает. Болит подвернутая нога. Плевать, сейчас не до этого! Быстрее, быстрее! Такая жара, а она на солнце. Как далеко она могла уползти? Неужели она решила добраться до леса? Идиот! Надо было свозить ее на грузовике. Ведь есть объездная дорога, двадцать минут – и ты у леса. Нет там ничего

интересного. Так же жарко и душно! Вот ее башмачок. Бросила? Решила подобрать на обратном пути? А тут что? Нет, не страшно. Это обрывок газеты, занесенный ветром. Глупая девчонка! Уйти от того, кто ее любит. Ничего не сказав. Что не так он сделал? Что вообще можно сделать, когда кошелек пуст. Последние деньги он отдал китайскому знахарю. Иголки, мази... Все напрасно. Была бы жива Линда, они бы что-нибудь придумали. Линда умница, она всегда что-то придумывала. Тогда в их доме еще смеялись. Теперь только решают проблемы. Тогда тоже были проблемы, но над ними смеялись и проблемы как-то исчезали.

Вот и лес. Кусты, топкое место. Как она тут проползла? Лужи со ржавой водой, водомерки, стрекозы.

– Кристи, девочка моя!

Кристина лежала под старой осиной, опустив руки в маленький ручеек. Кевин опустился рядом с ней и заплакал. По-настоящему, не от ветра штата Айова.

– Что ты теперь будешь делать?

Джим Уоллес потрепал Кевина за плечо. Кевин молчал, наблюдая, как рабочие сгребают в могилу сухую серую землю.

– Отмучилась, – сказал Джим, чтобы что-нибудь сказать.

– Заткнись!

– Не сердись. Сам посуди, какая у нее была жизнь?

– Она прожила ее лучше, чем ты. У нее была цель, и она

до нее дошла.

– Дойти и умереть?

– Это лучше, чем всю жизнь возиться с коровами и сеном.

Я уеду куда-нибудь. Надолго. Ты поухаживаешь за могилой?

Я тебе задешево продам всех коров.

– Конечно! Ты когда-нибудь вернешься?

– Да. Ведь тут остались обе мои девочки.

– Это все проклятое солнце.

– Через неделю пойдут дожди. Ты поторопись с сеном.

Короткие рассказы

На пенсии

Сан Саныча отправили на пенсию, но он быстро нашел себе новое занятие – стал интересоваться политикой. Теперь он знал кого ругать вместо старых начальников.

Такие разные

Они читали разные книги, любили разные фильмы, ненавидели разных политиков, обожали разную еду. Но зато у них было общее дело – они заботились друг о друге.

Хозяин

Кот пришел во двор, сел посреди пустого газона и стал по-хозяйски осматриваться. Есть ему не хотелось, охотиться было лень – ему важно было чувствовать, что он тут самый главный.

Лаборантка и студент

Лаборантка учит нового студента работать на хроматографе. Студент худенький, маленького роста, выглядит заморышем. Лаборантка объяснять не умеет, и через каждые десять секунд слышно: «Ну, это... ты знаешь...».

Бедный студент ничего не знает и ничего не понимает. Через двадцать минут он совсем сникает и только шепчет:

«Да... да...».

Наконец лаборантке все надоедает, и она объявляет перерыв до завтра. Студент облегченно вздыхает, выпрямляется и расправляет плечи.

Я никогда не видел, как жалкий хлюпик за одну секунду превращается в красавца-спортсмена.

Семинар

Наша аспирантка явилась не в своем обычном свитере, а нацепила что-то очень женственное и красивое.

– Вау! По какому поводу такая красота?

– Завтра выступаю на семинаре, решила сегодня потренироваться.

– Успеешь подготовиться?

– Конечно, нет!

– А выступать будешь?

– Обязательно!

Не перестаю восхищаться женщинами!

Как все сложно!

– У тебя все теперь есть, – сказали Эрику. – У тебя красавица жена, отличный сын, дом у озера, великолепные машины, огромная моторная лодка, стабильная работа и даже здоровье. Ты бросил пить и курить! Вот теперь ты можешь начинать ловить рыбу и писать рассказы со стихами.

Я подумал, сколько человеку надо сделать, чтобы начать

ловить рыбу и писать стихи.

Гоголь и Мастер

Говорил с Эриком, он опять написал рассказы и уничтожил их. Раньше я его за аналогичные проделки называл Гоголем. Теперь он говорит, что Гоголь – это для него мало. Он себя может назвать еще и Мастером.

– А какая разница? – спрашиваю я. – Ведь они оба сожгли рукописи.

– Ты знаешь... – говорит Эрик. – Двое – это надежнее!

Куда идет прогресс

Жена сидит дома за рабочим ноутбуком, она освоила соединение с сервером компании и теперь разглядывает свои файлы на экране.

– У меня прогресс идет вперед! – радостно сообщает она.

– А что, прогресс может идти назад? – не понимаю я.

– У меня он может идти куда угодно.

Лотерейные билеты

– Ты покупаешь лотерейные билеты?

– Нет, я верю в теорию вероятностей.

– Я тоже в нее верю, но я еще верю в свою судьбу.

– Ты покупаешь лотерейные билеты?

– Да, иначе я буду переживать, что кто-то купил и выиграл. Я хоть первую половину этого делаю!

Черновики

Завел в компьютере папку с названием «черновики». Там сырые мысли и необтесанные сюжеты. Хорошо, что я не скульптор. Им для черновиков нужен большой сарай.

Позор

Однажды группа молодых преподавателей из МГУ путешествовала по Армении на велосипедах. Группу возглавлял пятидесятилетний профессор. На горной дороге их остановил гаишник. Он подошел к профессору и, вздохнув, сказал:
– Слушай, уважаемый, не позорь возраст – купи хотя бы «жигули»!

Логика

Почти всех нас раздражают чужие грамматические ошибки. Я стал к ним относиться спокойнее, когда понял, что существуют ошибки в логике. Вот это для меня полный карнул! Я, например, доказываю, что сумма длин катетов больше, чем длина гипотенузы. А мне приводят контраргумент:
– Вот представь: прямоугольное поле, и ты идешь из угла в угол. А я на мотоцикле по дороге вокруг поля! Кто быстрее доедет?

Я сразу сдаюсь в таких случаях.

Сказка

Сказка про рыбака и рыбку произвела на него огромное впечатление. Когда он увлекся рыбалкой, то отпускал всех пойманных рыб обратно в озеро. Ведь именно так начинались отношения старика с золотой рыбкой.

Художник

На берегу моря стоял художник с мольбертом.

– У вас море красного цвета, – восхитились подошедшие туристы. – Это так трагично, так новаторски!

– Да, – ответил художник. – Я сегодня так вижу.

Туристы не знали, что у художника просто закончилась синяя краска.

Эволюция

– Привет, чо делаешь?

– Ничо, а ты?

– И я ничо!

Шумеры, Египет, Греция, Рим, Возрождение, научно-техническая революция, люди в космосе, Интернет...

Как долог был путь человечества к этому диалогу!

Меня учили

Как-то давно мой приятель учил меня общению с женщинами:

– Если ты виноват, то проси прощения. Если ты прав, то молчи.

Потом он задумался и добавил:

– Самое хреновое то, что ты обычно прав и виноват одновременно.

Амалиноз

Я привез продукты и сел за компьютер. Приехала жена. Вскоре она с виноватыми глазами спустилась ко мне.

– Я половину коробки малины, что ты купил, уже слопала.

– Да ради бога! Для больного человека не жалко.

– А чем я больна?

– У тебя амалиноз. Это когда в организме малины не хватает.

Следы на песке

Я сижу на пляже и смотрю, как по кромке воды идет женщина. На мокром песке появляются ее следы, на них набегает волна и превращает следы в маленькие ямки. Следующая волна разглаживает песок, от следов ничего не остается. Я отчаянно пытаюсь придумать что-то глубоко философское на тему, что наши следы исчезают во времени, но в голову приходят только банальности. Потом меня осеняет мысль, от которой по спине пробегает холодок. Ведь совсем недавно я бы смотрел только на женщину, а сейчас смотрю на мокрый песок, где остаются ее следы.

Мастер

Мастер закончил работу, положил в карман выписанный чек и протянул мне руку. Я пожал ее и поблагодарил за работу. Мастер что-то буркнул и снова протянул руку. Я снова пожал ее и сказал, что работа выполнена великолепно.

– Верни мне авторучку! – сказал мастер и протянул руку в третий раз.

На обрыве

Они вышли из машины и подошли к обрыву. В небе зажигались первые звезды, а внизу, сверкая миллионами огней, лежал огромный город. Хотелось прыгнуть вниз и полететь над лабиринтами желтых улиц, выющихся между темными крышами.

– Только не говори ничего возвышенного, – попросила она.

– А чего тут говорить? – удивился он. – Видали мы пейзажи и получше.

Исполнение желаний

Огромный дом стоял около обрыва, с которого открывался вид на зеленые холмы и голубые озера.

– Да, тут хорошо, – сказал хозяин. – Душа отдыхает от суеты, свой огород, коты смешные, рыбалка, охота, деньги есть, я уже забыл, как на работу ходить.

– Исполнились все мечты?

– Да, кроме одной – я хочу снова стать дипломником

и прийти в нашу лабораторию, где воняет растворителями, гудят приборы, а на полке лежит спальный мешок на случай круглосуточных экспериментов.

Подальше от меня

– Ты меня давно знаешь, попой я крутить умею, везде устроюсь, все налажу, на пустом месте смогу заработать. А вот Ленке надо помочь – он умный, кучу книг прочитал, мысли у него одна гениальнее другой.

– И куда его пристроить?

– Подальше от таких, как я.

Барашек

– Вот я попал! Заказал у фермера барашка. Он мясо нарезал, разложил в пакеты, все упаковал в коробку...

– Нормальный сервис!

– Ага, но он на коробку прицепил фотографию, где он этого барашка на руках держит. Как младенца. Барашек беленький такой, глаза черные...

– И ты не смог есть это мясо?

– Смог, но было грустно.

Что неподалеку?

Однажды мы отправились в поход и вышли к линии электропередачи. Было жарко, вокруг столбов росла высокая и почему-то мокрая трава. Мы плюхнулись в эту траву, ста-

ли смотреть в небо и слушать, как гудят провода.

– Однако город близко, – сказал друг, который вырос в селе под Кировым.

– Почему не деревня? – удивился я.

– Так на столбе написано «Осторожно, высокое напряжение». Около деревни бы написали «Не влезай, убьет».

Весна пришла!

Грязные холодные лужи, в них отражается голубое небо и ослепительное солнце. С крыши пятиэтажного дома то и дело падают сосульки, разбиваясь на десятки кусков.

– Весна пришла! – говорит старичок с палкой, опасливо разглядывая оставшиеся сосульки. – Вот только обидно от ее рук помереть!

– Не бойся, дед, – говорит ему мальчуган в расстегнутой куртке. – Эти сосульки зимние, они еще в январе выросли. Так что ты умрешь не от весны.

Почти все дороги ведут в Рим

– На, держи и учи наизусть!

Я протянул другу-биологу тяжелую книгу, на обложке которой были нарисованы знаменитые римские развалины. У него загорелись глаза, и он стал ее листать, забыв о моем присутствии.

– Пойдем, покурим, – очнулся он. – Я знаю около морга уютное местечко, там нас никто не увидит.

– А зачем нам прятаться, да еще у морга? – удивился я.

– Я же занимаюсь раком легких, – объяснил он. – Если меня наши университетские увидят, я буду для них не коллегой, а будущим пациентом.

На улице было серенько, ветрено, накрапывал дождь, но у морга было тихо и уютно.

– Ну, вы уже решили куда ехать? – спросил я, разглядывая большие двери, куда мог заехать небольшой грузовик.

– Жена хочет на Сицилию, – сказал друг-биолог, не переставая листать книгу. – А я хочу в Венецию. Мы решили начать с Рима – это как раз посредине.

Из морга вышел огромный чернокожий в фиолетовой спецовке и резиновых сапогах. Он небрежно закурил и стал внимательно смотреть на нас.

– Будущих клиентов оценивает! – сказал я и выкинул недокуренную сигарету. – Рим, да... туда все дороги ведут.

Когда будешь трезвый, залезь на холм Палатин.

...после душных улиц и треска мотороллеров, на холме был рай. Мы шли мимо самшитовых кустов и дышали теплым сухим воздухом. Можжевельник, сосны и еще какие-то игольчатые одурманивали запахом хвои. «Императоры были не дураки, что строили тут дворцы! – подумал я. – Да и Ромул с Ремом тоже ребята не промах. Я бы тоже что-нибудь основал, если бы меня тут бросили и забыли».

Около небольшого каменного дома стояла табличка, сообщавшая, что этому дому 2000 лет. Я переступил через ленточку ограждения и потрогал теплые камни. Камни ничего не говорили, но их тепло было приятно, несмотря на окружающую жару. «Сеньор!» – замахал мне руками маленький итальянец в зеленой куртке. Я вздохнул и полез через ленточку обратно.

– А потом Ватикан! – оторвался друг-биолог от чтения книги.

...швейцарские гвардейцы в своих полосатых штанах и с палками в руках были похожи на клоунов. В огромном соборе было мрачно и душно от десятков туристов, толпившихся около могилы Петра. «А кто докажет, что там именно Петр?» – закралась у меня крамольная мысль. Рядом стоял служитель храма и вытирал лоб белоснежным платком. «Бон джорно, синьор!» – улыбнулся он, перехватив мой взгляд. «Слава Богу, что ты не умеешь читать мыс-

ли!» – улыбнулся я в ответ. Служитель вытер нос и стал медленно удаляться в темнеющий коридор.

– Ну, конечно, еще Испанские Ступеньки и их окрестности, – сказал друг-биолог, мечтательно закатив глаза.

...мы подошли к ступенькам поздно ночью. Лестница была освещена, и на ней сидели парочки. Я ожидал громких разговоров, смеха и музыки, но было на удивление тихо. Они смотрели друг на друга, и казалось, что они слушали звуки фонтана, который тихонько булькал в большой лодке. У фонтана тоже было полно народа. Многие сидели на парапете и свешивали ноги в воду, чтобы почувствовать прохладу посреди душной ночи.

– Ну а потом все по фильму «Римские Каникулы» – добавил друг-биолог.

– В Уста Истины будете руки совать?

– Обязательно! Нам бояться нечего!

...до церкви Святой Марии мы еле доплелись. Желающих проверить себя на честность было довольно много, и мы встали в очередь. В сторонке стояла группа японцев. Они о чем-то щебетали и фотографировали всех, кто засовывал руку в пасть каменного чудовища. Существовала легенда, что раньше за стеной стоял специально обученный человек с мечом и отрубал руки, используя для выборки генератор случайных чисел. К счастью, этот любитель помахать ме-

чом давно умер, и проверка на честность у нас прошло без заминки.

Дождь кончился, и мы с другом-биологом разошлись по своим лабораториям. За окном шумела дорога, ведущая в аэропорт, откуда летали самолеты до Амстердама. А от Амстердама уж точно все дороги вели в Рим.

Ну, почти все!

Сначала

Странное возникает чувство, когдаходишь в старую церковь, где тебя крестили много-много лет назад. Кажется, что вот выйдешь ты под хмурое осеннее небо, и нужно все начинать сначала. И неважно, сколько тебе еще отмерено, что уже сыплется первый снег, что нет рядом мамы, некому завернуть тебя в одеяло и отнести в теплый дом. Теперь ты сам все решаешь. Тогда орущий от страха младенец еще не успел совершить ошибок. Ты их наделал потом и назвал жизненным опытом. Вот и думай теперь – сколько ты еще совершишь ошибок. Может уже хватит? Или ты не все успел попробовать? А, может, сначала расплатиться за сделанные?

Купель стояла около фрески, где отчитывали раба за зарытый в землю талант. Ты потом много раз слышал, что талант – это тяжелая ноша, а несущий ее обречен на вечный труд. Нельзя эту ношу сбросить, нельзя закопать. Расплата простая: серая жизнь.

Ты скажешь, что у тебя нет талантов? Неправда. Всем раздали таланты. Кому пять, кому три, кому один. А не закопал ли ты свой? Вернее, не твой, а тот, который тебе дали. Еще не поздно его найти – ведь твой господин пока не спрашивает, что ты с ним сделал. Закопал? Откопай, взвали на плечи и иди. Другого пути у тебя нет.

Ты выходишь на улицу, не замечая холодного ветра и мок-

рого снега с дождем. Оглядываешься. Никто на тебя не смотрит и ничего от тебя не ждет. У старой ивы женщина в платке и в старом пальто крошит голубям булку. Рядом, за оградой, шумит улица. Все так, как было десять минут назад. В кармане звонит телефон. Это из старой жизни, где никто не интересовался твоими ошибками и талантами.

– Ты где? У нас аврал, проверь свою почту. Это важно!

Да, это важно. Ты понимаешь: важно то, что сейчас. Это и есть жизнь. А остальное...

Ты еще раз оглядываешься на старую церковь, потом, нагнувшись, чтобы прикрыть телефон от дождя, начинаешь проверять почту.

Картины с кораблями

Мы были убеждены, что в этом курортном мексиканском городке все работают официантами, поварами, уборщиками, администраторами в белых рубашках или продавцами в магазинчиках, заполненных яркими курортными товарами «на память».

Это кафе мы нашли случайно в один из вечеров, долго блуждая по полутемным улицам. Мы проходили мимо небольших, ярко раскрашенных домиков, окруженных кустами и сладко пахнущими цветами. Там, на ступеньках, сидели усталые женщины и молча смотрели на нас. Мы ходили бесцельно, просто хотели посмотреть на ту часть города, где нет шумной курортной публики, где нет ярких витрин и запаха жареной рыбы.

Кафе было на перекрестке. Сквозь большие окна мы увидели скромные деревянные столики без скатертей, стулья на металлических ножках, стойку бара, на которой стояла эспрессо-машина. За столиками сидели люди, которых мы не видели ни в нашем отеле, ни на пляжах, ни в ресторанах. У них были спокойные лица с тонкими чертами. Кто-то читал книги, кто-то смотрел в экран ноутбука, кто-то разговаривал с соседом. На стенах кафе висели яркие радостные картины, на которых плавали большие корабли, по улицам города с розовыми домами ездили белые машины, в домах

были огромные комнаты, где стояли смешные стулья с грушеобразными ножками, столы-раскоряки и огромные вазы из мутного серого стекла.

Мы зашли, заказали кофе и сели в угол, откуда можно было видеть всех посетителей. На нас никто не обращал внимания, мы ждали свой заказ и разглядывали картины. Около каждой из них горела небольшая лампа, освещающая ее и заставляющая светиться и без того яркие краски. Я представил эти картины у нас в доме, когда темно, когда за окном свищет бесконечная снежная метель, когда хочется тепла и света.

– Кто автор этих картин? – спросили мы подошедшего официанта.

Он поставил перед нами чашки с кофе, тарелочки с пирожными и жестом подозвал одного из посетителей.

– Это картины Джордžo, – сказал он. – Хотите, я ему позвоню, и он придет?

Мы хотели. Мы очень хотели посмотреть на человека, создавшего такие кусочки радости.

Джордžo пришел не один. Его сопровождала суховатая женщина лет сорока, очень деловая, отлично говорящая по-английски. Сам Джордžo больше молчал, скромно улыбался и был во всем согласен со своей спутницей. Ему было лет двадцать пять, его смуглое лицо выглядело усталым, он прятал под столом свои тонкие руки с длинными пальцами, сутулился и явно хотел, чтобы все это быстрее кончилось.

– Вам очень повезло, что Джордžo сейчас в городе! –

громко вещала спутница художника. – Без его разрешения я не могу продать ни одной картины. Если вы покупаете две, то на вторую будет большая скидка.

– Вы профессиональный художник? – спросил я Джорджо.

– Тут профессионалы только те, кто рисует по вечерам картины аэрозольными баллончиками, – ответила за художника его спутница.

Мы видели работу таких художников. За пять минут они создавали нечто с огромной луной, озером, горами, фантастическими деревьями, отражениями и тенями. Их «картины» стоили от десяти до двадцати долларов. Половина цены шла художнику, а другую половину забирал молодой человек с цепким взглядом, сидящий неподалеку на корточках.

– Ну так что вы решили?

Женщина была настроена по-деловому. Мы выбрали две картины с кораблями, где светились иллюминаторы и гирлянды лампочек вдоль палуб, где горели огни сказочного города, а по его улицам ездили красные мотороллеры и белые такси. На второй картине было бирюзовое море, желтое расцветное небо, открытое окно и черный кот со странной улыбкой.

– Это мой кот, – сказал Джорджо. – Мой друг. Я работаю инструктором по подводному плаванию. Я бы хотел стать профессиональным художником, но так мало таких, как вы, которые покупают. Нравится многим, но мало кто хочет тратить деньги на картины. На рестораны тратят, на кар-

тины нет.

... Через год мы снова пришли в это кафе. Картин Джорджо на стенах не было.

– А где Джорджо? – спросили мы бармена. – Где его картины?

– Он сейчас мало что пишет, – сказал бармен, наливая нам в чашки крепкий эспрессо. – Джорджо уехал в другой город, здесь работы нет, а ему надо на что-то жить. Его картины разобрали по местным ресторанам. Их можно купить, но они стоят теперь очень дорого. Рестораторы хотят заработать и на этом тоже. Жалко парня, он совсем один и никому не нужен.

Я не знаю, где сейчас Джорджо. Но его картины висят над моим рабочим столом и согревают меня в темные холодные вечера, не давая думать, что до весны еще так далеко, что с каждым годом все труднее дойти до этого «далеко», когда все сильнее наваливается усталость, и черные голые ветки качаются на фоне желтых от городских огней туч.

Общеизвестное

Легко быть бедным и добрым. Быть богатым и добрым можно, но недолго!

Амбициозность – прибежище ничтожных.

Бойся озабоченных людей – это заразно.

В толпе нельзя быть свободным.

Веру в Бога часто путают с соблюдением традиций.

Для кого-то море – это пляж, теплый прибой, вокруг красивые веселые люди. А для другого – это одинокий утес, о который разбиваются холодные серые волны.

Для кого-то хорошая погода та, которая позволяет с чистой совестью сидеть дома.

Если нет ответа на вопрос «а что будет, если это сделать?», то можно попробовать поискать ответ на вопрос «а что будет, если этого не делать?».

Если ты ничего не делаешь, тебя упрекают в нерешительности. Если ты что-то делаешь, упрекают за ошибки. Самое лучшее – это говорить, что ты скоро будешь что-то делать.

Есть простой способ чувствовать себя богатым – не читать рекламу. Так ты не узнаешь, что тебе еще захочется.

Есть способ деления человечества на врагов явных и потенциальных.

Зря ты ругаешь современную Москву. Ты ведь любил ее за эклектику, а теперь ее стало даже больше.

И человек, и камень слеплены из протонов, нейтронов и электронов. Это я к тому, что нам не надо слишком зада-

ваться.

Идти вниз надо тоже с достоинством.

Для себя

На самом деле художник не был одиноким. У него где-то была жена и взрослые дети. Он не любил об этом говорить, я узнал об этом случайно, когда он как-то обмолвился, что хочет пойти в Интернет-кафе и отправить письмо домой в Чикаго.

– А кто сейчас дома? – спросил я.

– Жена, дети приезжают иногда... – сказал он и больше никогда не упоминал про свою семью.

Мы снимали соседние комнаты в небольшом пансионе в городе Таормина на востоке Сицилии. Сейчас такие пансионы принято называть на американский манер *bed-and-breakfast*. Хозяйка пансиона кормила нас завтраком. Нам полагалась чашка ужасного кофе, пресный сыр, булочки и варенье. У нас с женой в холодильнике лежала колбаса и нормальный сыр, который мы приносили с собой, украшая скудный завтрак. Художник не обращал внимания на еду. Он долго пил кофе, меланхолично жевал булочки и смотрел в окно на красные черепичные крыши домов, сбегających по узким улочкам к морю, которое всегда казалось спокойным с высоты веранды, где проходили наши завтраки.

На какие средства жил художник, мне было непонятно, но спрашивать об этом не принято, да я особенно и не интересовался. Он явно не работал по заказам. После завтрака

художник шел к старому греческому театру и там не спеша рисовал остатки колонн, полуразрушенные стены, заросшие травой каменные скамьи и кактусы со смешными плоскими листьями. После обеда он приходил в свою комнату, отдыхал, а потом выходил на открытую террасу, садился в кресло возле небольшого стеклянного столика и тщательно обводил тушью свои карандашные наброски.

Лет ему было около шестидесяти, среднего роста, плотно-го телосложения, с короткими седыми волосами. Лицо его было немного расплывшимся и выглядело очень добрым, когда он улыбался.

Но улыбался он редко. Его взгляд был направлен или куда-то вдаль, или внутрь его самого. Так смотрят люди, страдающие какой-нибудь серьезной болезнью или пережившие большое несчастье.

Мы с женой бродили по городу, спускались к морю, поднимались в горные городки, разбросанные по соседним склонам. По вечерам мы покупали в ближайшем ресторане пиццу, заходили в местный магазинчик за рыбой, овощами, вином, приносили все это на нашу террасу, раскладывали на столике и начинали неспешный ужин. С террасы было видно засыпающее море, знаменитый вулкан Этна и множество огней деревенок и фермерских домов на склонах темнеющих гор. Художник проводил вечера в своей комнате. Его не вдохновляли краски угасающего дня. Чем он занимался в это время, я не знаю, но его темное окно вызывало у меня

грустные мысли.

Однажды я встретил его на улице, ведущей к греческому театру. Он нес большую папку с бумагой, на его плечах висел небольшой рюкзак, сквозь ткань которого проглядывались бутылки с водой и коробки с карандашами.

– Вы продаете свои работы? – спросил я.

– Нет, конечно, нет! – ответил он. – Это никому не интересно.

Я замялся, не зная, что сказать. Мне нравилась его графика, но на языке вертелись только стандартные хвалебные фразы, а мне хотелось отметить его работы как-то особенно.

– Все думают, что художники работают или для денег, или для славы, – не спеша продолжил он, – но есть и третий вариант. Можно работать просто для себя. Жизнь ужасно длинная, и ее надо чем-то заполнять.

– И вы никому не показывали свои работы? – удивился я.

– Я не профессиональный художник, – сказал он. – Я учился на художника, но зарабатывал не рисованием. Рисование для меня нечто интимное, как разговор с любимой женщиной, с Богом, с ближайшим другом, с самим собой, наконец. Мои работы не исчезнут. Может, придет время, и кто-нибудь возьмет их в руки.

– А вы знаете, что вы очень талантливый художник? – решил я на комплимент.

– Я очень средний художник и не хочу, чтобы мне об этом говорили, если я решусь на выставки и прочую мишуру. Я

долго живу и все уже испытал. Я как поезд, который шел по четкому расписанию – у меня все было в срок: диплом, карьера, жена, дети, собака, маленький дом, большой дом, второй дом на юге... Сейчас по расписанию мне надо начинать путешествовать по миру и заниматься своим здоровьем. Я решил изменить расписание. Меня не поняли те, кто ехал со мной в поезде, и я поехал один. И мне хорошо. Я не знаю, что со мной будет завтра, и это самое чудесное, что может быть с человеком. Пусть даже недолго.

– А ваши родные? Как они реагируют на ваше отсутствие?

Художник пожал плечами, поправил рюкзак и ускорил шаг. У меня к нему было еще много вопросов, но я не стал его догонять. Я был явно лишним на том пути, что он выбрал на оставшиеся ему годы, и мне не хотелось навязывать себя в попутчики. Да и нужны ли ему попутчики?

Я не пошел в тот день к театру. Одна из улочек городка заканчивалась узкой тропкой, ведущей мимо кипарисов, через заросли самшита и кактусов к морю. Вот по этой тропке я и пошел.

Малахольная Верка

– Ты держись от нее подальше! – говорили мне приятели. – Она малахольная, может, больна чем!

Верка жила с бабушкой в большом бревенчатом доме, стоявшем на оживленной магистрали. Я часто видел ее у окна. Она могла часами сидеть неподвижно, подперев щеки кулаками, и наблюдать за проносившимися машинами. Когда я проходил мимо Веркиного дома, то почти всегда видел ее огромные голубые глаза, курносый нос, распущенные по плечам русые волосы, красную, небрежно связанную кофту, накинутую на белую ночную рубашку с мелкими цветочками.

– Верка! – окликал я ее. – Ты чего на озеро не идешь?

Озеро было рядом. От Веркиного дома туда шла тропинка через заросший лебедой и лопухами пустырь, мимо ничьих полусгнивших сараев, мимо огромной каменной дамбы, на километры опоясывающей озеро огромной дугой. Там, где дамба кончалась, был пустынный песчаный пляж. Местные этот пляж не любили – там было мелко, на лодках причаливать неудобно, рыбы у берега не было. Иногда туда приходили пьяные компании. Они жгли костер, шумели и, выпив все, что принесли, быстро уходили, оставив пустые бутылки и консервные банки в тлеющем костровище.

Я иногда видел Верку на этом пляже. В своей неизменной

красной кофте, сменив ночнушку на голубое выцветшее платье, обхватив руками колени, она сидела на сухом топляке и смотрела на солнечные зайчики, прыгавшие по водной ряби. Мы с приятелями плескались недалеко от берега, взбалачивали руками песок и шевелили пальцами ног, привлекая бесчисленных мальков, гревшихся в теплой воде. Верка на нас не обращала никакого внимания. Она иногда смотрела в нашу сторону, но даже тогда ее взгляд был направлен сквозь нас, на серые волны, на зеленые острова, на облака, которые выплывали из далекого горизонта и не спеша направлялись к нам, принося с собой тень и легкий свежий ветерок.

– Верка! – кричали мы. – Иди купаться!

Верка сидела с неподвижным лицом, как будто ничего не слышала. Когда наши призывы становились слишком настойчивыми, Верка молча вставала, отряхивала платье и не спеша уходила домой.

В школу Верка не ходила. Говорили, что врач запретил ей напрягать голову и сказал, что четырех классов ей будет достаточно для дальнейшей жизни. Мы ей даже завидовали и тоже говорили, что четырех классов вполне хватит для работы на нашем лесопильном заводе и вечернего сидения с удочкой на дамбе. Самыми образованными среди наших знакомых были учителя, врачи и инженеры. Но все они зарабатывали меньше рабочих, и учиться в институте, чтобы потом стыдиться своей зарплаты, мы не хотели.

– А кем будет Верка, когда вырастет? – иногда спрашивали мы друг друга.

Ответа, конечно, не было. Были предположения, что она, как и ее мать, попавшая по пьяни под грузовик, будет работать в столовой.

– Хорошая работа, – рассуждали мы, лежа на теплом песке и разглядывая проплывающие над нами облака. – Всегда рядом с продуктами, масла ешь сколько хочешь, хлеб белый свежий, молоко, сахар...

Мы всегда были голодными, и разговоры о еде были самыми любимыми. В общем, мы решили, что будущее у Верки будет неплохим, если только она не будет пить вино, как ее мамаша.

Прошло несколько лет. Я уже учился в институте, когда приехал в родные края и увидел Верку. Она, как и раньше, сидела у окна и смотрела на проезжающие машины. Я уже знал, что Веркина бабка умерла, что Верка получает какое-то маленькое пособие, нигде не работает и сидит целыми днями дома. Соседи ей немного помогали: приносили ей каждый день пол-литра парного молока от своей коровы и убирали под навес дрова, которые привозили осенью и сваливали кучей перед Веркиным домом. Верка иногда ходила в наш продуктовый ларек за хлебом и крупами, осенью собирала клюкву на Горелом болоте, нарезала и сушила на солнце яблоки, падающие в высокую траву в ее запущенном саду.

– А дома у нее чистота и порядок, – говорила бабушка. – Половики свежие, скатерти белые, без пятен. Фикусы растут, герань – все аккуратно, на образах пыли нет, часы с гирей правильное время показывают.

Я подошел к открытому окну и улыбнулся Верке. Я и правда был рад ее увидеть. Она связывала меня с прошлым, с заброшенным пляжем, с беззаботными днями, с теплым солнцем и плывущими облаками. Тогда у меня было такое время, что мне редко удавалось поднять голову и посмотреть на небо.

– Привет, сосед! – неожиданно громко и четко сказала Верка. – Давно тебя тут не было.

– Привет! – сказал я, обрадовавшись, что Верка меня узнала и даже рада видеть.

– Ты, говорят, в Москве учишься, – продолжила Верка. – Заходи в гости, я тебе кой-чего покажу.

Я кивнул, прошел через калитку в маленький зеленый дворик, поднялся на крыльцо и очутился в большой светлой комнате с низкими потолками. Светлой комната казалась от изобилия белого: стены, потолок, скатерть на круглом столе посреди комнаты, чехлы на диване и кресле – все это было белого цвета. В переднем углу я увидел несколько икон, возле них на полочке горела небольшая свечка. На подоконниках стояли цветы, но одно из окон было открыто, там подоконник был пуст, возле этого окна стоял стул, на нем и сидела Верка. Когда я вошел, Верка встала, и я увидел,

что она превратилась в красивую женщину. Крутые бедра, полная грудь, сильные руки с плавными линиями, стройные крепкие ноги. Лицо немного портили широкие скулы и маленький рот со сжатыми бесцветными губами, но большие глаза и густые распущенные волосы скрадывали эти недостатки. Верка мне показалась очень красивой.

– Чаю хочешь? – спросила она. – Только у меня булка черствая и сахару мало.

Говорила она громким отрывистым голосом. Было видно, что ей не часто приходится разговаривать. Перед каждым словом она на секунду задумывалась, но потом произносила слова четко и весьма осознанно.

– Спасибо, давай в другой раз, – отказался я, стараясь говорить как можно мягче, чтобы не обидеть ее. – А что ты хотела мне показать?

Верка подошла к комоду, выдвинула верхний ящик, порылась там и достала потрепанную общую тетрадь в коричневом клеенчатом переплете. Я взял ее и с любопытством полистал. Там круглым детским почерком синими чернилами были написаны короткие рассказы. Названия рассказов были подчеркнуты красным карандашом. «Кто приносит радость», «Что нужно для счастья», «Утренние надежды» – читал я названия рассказов. Первый рассказ был про Иисуса Христа, который спустился на один день на Землю, чтобы принести радость тем, у кого ее было очень мало.

– А как можно принести радость? – спросил я, продолжая

листать тетрадь. – Вот если я схожу в магазин и принесу тебе свежую булку с банкой клубничного варенья – это будет радость?

– Самую большую радость приносят с пустыми руками, – очень серьезно сказала Верка. – Вот вечером придет соседка и принесет банку молока. А ты пришел с пустыми руками, но принес больше радости, чем принесет соседка.

Я удивился, что Верка вдруг стала говорить более плавно, глаза ее заблестели, щеки покраснели.

– А для кого ты это пишешь? – спросил я.

– Сначала для себя писала, как бы разговаривала сама с собой. А потом вдруг захотела, чтобы кто-нибудь прочитал. Вот ты в Москве живешь, тебе интересно, что я пишу?

– Да... – я кивнул и стал листать тетрадь медленнее, успевая прочитывать по несколько предложений на каждой странице.

«Радость – это когда трудно дышать, когда в глазах слезы, когда громко стучит и просится наружу сердце!».

«Полынь-трава – ее горький запах волнует меня и одновременно успокаивает».

«Как страшно проснуться и не услышать щебетания птиц. Это значит, что пришла осень, что природа будет умирать, и я буду умирать вместе с ней. Но природа оживет, а мне однажды это не удастся».

«Какие звезды холодные! Теплая только первая вечерняя звезда, которая зажигается около заходящего солнца и ухо-

дит вместе с ним».

«Я люблю жить одна. Я хочу быть уверенной, что если я поставлю на стол чашку, то она там будет стоять до тех пор, пока я сама не переставлю ее».

«Мне столько раз было плохо и больно, что я заслужила маленькую радость. Меня обязательно кто-нибудь найдет, пожалеет и согреет».

Я закрыл тетрадь и поднял глаза на Верку. Она неотрывно смотрела на меня и ждала, что я скажу.

– Ты ведь не ходила в школу, а пишешь очень хорошо, – наконец, я придумал, что сказать.

– У соседки много книг, я читала, переписывала то, что понравилось, потом сама начала писать. А ты так быстро читаешь! Может, посидишь, считаешь все внимательно?

Я покачал головой.

– Нет, Верка, я послезавтра уезжаю, у меня еще много дел. Но я обязательно приеду и все прочитаю.

Верка кивнула и отвернулась. Я успел заметить, что в ее глазах блеснули слезы. Подойдя к двери, я постоял, потом вернулся и погладил Верку по голове.

– Я обязательно вернусь и все прочитаю!

Верка, не оборачиваясь, закивала, а потом закрыла лицо руками. Я проглотил комок, вставший у меня в горле, и ушел.

Так получилось, что больше я никогда не возвращался в эти места. Один раз я встретил земляка и спросил про

Верку. Он долго вспоминал, о ком идет речь, потом махнул рукой и сказал, что она по-прежнему подолгу сидит у окна и смотрит на проезжающие автомобили.

– Может, ждет кого? – добавил он и перевел разговор на другую тему.

Попутчики

Север Италии. Ветер гоняет по железнодорожной платформе бумажки и сухие листья, вдали видны лесенки альпийских хребтов, над ними вечерние темные тучи.

На этот раз мы без машины. У нас твердое намерение погрузиться в итальянскую жизнь по уши. Уже освоено итальяно-железнодорожный язык, и мы можем запросто переводить на русский и обратно что-то вроде: «Внимание, поезд до хрр-хрр-шшш-тю-тю отходит с пятого пути».

Мы храбро разговариваем по-итальянски с кассирами, не лезем в вагоны первого класса, произносим названия итальянских городов так, что нас понимают со второго раза. Один раз, правда, поняли с первого раза, но неправильно.

Мы с женой стоим на платформе, смотрим на неработающее табло и прикидываем – успеем ли перекусить в ближайшем кафе или будем терпеть до нашей станции. На севере Италии много русских, и мы не удивляемся, когда к нам подходит высокий парень, одетый во все черное, и спрашивает, откуда мы приехали. Не вдаваясь в подробности, говорим, что едем из Бергамо, где провели полдня, что это сказочный город, где можно запросто прожить неделю и не заметить пролетевшее время.

Про Бергамо ему неинтересно, но больше мы ничего не говорим и вопросительно смотрим на него. Парень на-

чинает рассказывать, что давно мотается по Европе, что-то перевозит, что-то продает. Потом вспоминает, как он плыл на пароме из Хорватии в Венецию, как из тумана вставали венецианские дворцы и соборы, как он хотел это запомнить. Затем он предлагает пойти на вокзал и там в буфете попить кофе. Мы кофе не пьем, чая там нет и в буфет мы идти не хотим.

Больше разговаривать не о чем. Парень мнетя и отходит в сторону. Общение закончено. У нас чувство неловкости, мы не знаем, как нам надо себя вести, чтобы все были счастливы.

– Сколько у нас было таких знакомств, – философски говорю я, с подозрением разглядывая черную тучу над головой. – Пока что-то общее, хочется общаться, а потом разбежались и забыли.

– Общение и общее – однокоренные слова, – говорит жена.

Подходит поезд, мы садимся в теплый вагон и в окне видим нашего знакомого. Он курит у столба с фонарем. Его лицо закрывает поднятый капюшон ветровки, на которой уже блестят капли дождя.

Мы устали и сидим молча, прислушиваясь к тихому стук колес, разглядывая за окном мелькающие домишки, в окнах которых уже зажегся свет. Потом я закрываю глаза и пытаюсь понять, как появляются друзья, с которыми у меня нет общих дел. Ну, может, раза четыре в год мы собираем-

ся на дни рождения и какой-нибудь праздник. Но ведь собираться можно и с другими? Но с другими не хочется. Хочется, наверное, просто тепла, просто понимания, просто уверенности, что к тебе придут, когда будет плохо. И ты тоже придешь. Просто так. Просто потому, что они не задают лишних вопросов, не ждут от тебя подвигов и развлечений.

А остальные знакомые? Они были попутчиками. С некоторыми было даже интересно, но недолго. Только пока выехали вместе. Они не умели давать тепло и не умели дорожить тем, что давал им ты. Они все время чего-то ждали и обижались, когда ты не соответствовал. Им были не интересны твои дела, они любили рассказывать о своих проблемах.

Вот как-то так... Я удовлетворенно вздыхаю и крепче зажимаю глаза. У нас есть еще полчаса, чтобы подремать. Я думаю о друзьях, которых не видел много лет. И я знаю, что когда их увижу, то они не будут обиженно спрашивать, а почему ты не звонил. Они просто скажут: «Смотрите, кто пришел! А ведь мы как раз о тебе говорили!».

Сын вот придет...

Казалось, что изба стала погружаться в землю. Ее левый угол просел так, что я мог дотянуться до крыши. Некоторые стекла полопались, и их заменили фанерками от старых почтовых ящиков. Огород зарос лебедой и огромными лопухами. Там стояла коза, привязанная длинной веревкой к крыльцу, она что-то жевала и задумчиво смотрела, как я стучу в дверь.

– Что надо, милоч? – дверь, наконец, открылась, и показалась старуха, одетая в серую кофту, меховую безрукавку и длинную черную юбку. На ногах у нее были валенки, в руках старая суковатая палка. Стояла старуха с трудом, но старалась быть приветливой.

Мне не удалось купить у нее козьего молока, старуха только что продала его дачникам. А так у нее все хорошо. Раз в неделю приезжает автолавка с хлебом, крупой и сахаром. Все остальное привозит сын. Он у нее хороший, старается приезжать раз в два года. Вот у соседки сын пропащий. Уже десять лет ни слуху, ни духу.

Как-то раз мы выпивали

Андерграунд

Как-то раз мы выпивали у художника Беренедеева.

– Друзья, – сказал художник Беренедеев. – Я собрал вас, чтобы официально объявить: с завтрашнего дня я уйду в андерграунд.

– В подполье, что ли? – уточнил поэт Варфоломеев. – Ты новую мастерскую в подвале отхватил?

– В андерграунд! – настаивал Беренедеев. – В жесткую и решительную оппозицию!

Мы притихли.

– Кукиш в кармане будешь крутить? Как в старые времена? – мечтательно вздохнул Варфоломеев, явно что-то вспомнив.

– Никаких кукишей! – торжественно заявил Беренедеев. – Я и оттуда скажу все, что думаю.

Он подошел к мольберту и сдернул с него тряпку с пятнами высохшей краски.

На холсте мы увидели барабан на фиолетовом фоне.

Телевизор

Как-то раз мы выпивали у поэта Варфоломеева.

– Друзья, – сказал поэт Варфоломеев. – Мы все гордимся, что не смотрим телевизор. А это ошибка – так мы никогда

не узнаем, о чем думают те, для кого мы творим.

В комнате повисла тишина. Вечер был безнадежно испорчен. Денег на телевизор ни у кого не было.

Перспектива

Как-то раз мы выпивали у прозаика Глыбы.

– Друзья, – сказал прозаик Глыба. – Мы с вами ковыряемся в наших соплях и страданиях. А надо смотреть шире и дальше.

– Ой! – на всякий случай сказал поэт Варфоломеев.

– Вот! – сказал Глыба. – Ты сейчас обозначил свое чувство-страдание, а не перспективу, где мы должны быть.

Тут мы все посмотрели на художника Берендеева. По перспективам он был специалист.

– Чем дальше в лес, тем ну его на фиг! – пояснил Берендеев перспективу.

Прозаик Глыба бы посрамлен.

Осколки

Память как разбитое волшебное зеркало.

Возьмешь осколок, глянешь в него, а там вечернее море и краски заката в полнеба.

Ты даже слышишь шелест прибоя, ощущаешь уходящую теплоту песка под босыми ногами.

А где соседний кусочек? Должен быть ресторан. Хорошо бы с бокалом красного вина, жареным мясом, печеной картошкой и овощами.

Находится много осколков с ресторанами. Вот тут с «маргаритой», тут с вином, тут просто с холодным пивом. Однако ни один не склеивается с закатом и морем.

Потерялся? Разбился на еще меньшие кусочки?

Перебираю другие осколки. С дождем, с весной, с осенним ветром, срывающим последние листья с клена.

Редко удается склеить осколки волшебного зеркала.

Повезет, если осколок такой большой, что там помещается и серое низкое небо, и морозящий дождь, и запах жареных грибов из открытого окна, и горький вкус рябины, растущей на газоне около большого кирпичного дома. И еще телефон-автомат, где тепло и пахнет табаком. И длинные гудки в черной липкой трубке. И неожиданно свободный вечер, который долго и нудно тянется с сигаретой на подоконнике у открытого окна. С улицы тянет сыростью и выхлопом ма-

шин. Ты закрываешь окно, добираешься до кровати и долго лежишь с открытыми глазами.

Гость из космоса

Каменный светящийся шар появился утром около выхода на задний двор.

Диаметром около трех сантиметров. Шар полупрозрачный, полированный. Никаких отверстий, надписей.

– Алё, ты кто? – спросил я.

Шар покачнулся, но промолчал.

– Птицы тебя принесли, что ли?

– Нет, – сказала голубая сойка. – Такое только сороки таскают, а сорок тут не водится.

– Может, белки, кролики?

– Мы таскаем только съедобное, – обиделась белка. – А кролики вообще тупые. Они и слова «шар» не знают.

– Значит, инопланетяне, – заключил я.

– Положи на место! – прошептал мне в ухо кто-то невидимый.

Солнечный луч, неведомо как попавший в самую середину тени от дома, осветил шар.

– А ты будущее можешь предсказывать? – спросил я шар.

– Тебе не надо его знать, – сказал невидимый.

– Почему? Я бы хотел знать, как какие акции вырастут, купить их и стать богатым.

– Легкие деньги не приносят счастья.

– А незнание будущего приносит счастье?

– А кто тебе сказал, что обязательно надо быть счастливым?

– А, ну да... «в поте лица твоего будешь есть хлеб»...

– Ишь ты, образованный попался! – сказал невидимый.

– А он еще зерна в кормушку не докладывает! – съябедничала сойка.

– Я так и думал, – сказал невидимый.

Шар потускнел, солнце спряталось за тучу, поднялся ветер.

Беседа с привидением

Беседовать о привидениях надо с самими привидениями. Разговоры на эту животрепещущую тему с простыми смертными – это потеря времени и душевного здоровья. Скепсис, ужас, нездоровый юмор – что можно еще ожидать от неподготовленных умов?

Для бесед с привидениями надо ехать в Англию. Это знают все. За множество кровавых веков там накопились тысячи бестелесных призраков, заселяющих старые дома. Погоды там туманные, к привидениям относятся хорошо, с острова бежать некуда. Живи и радуйся.

В Америке с привидениями сложнее. Везде камеры наблюдения, собаки, датчики для охраны домов – мышшь не проскочит. Хотя...

Однажды я встретился с привидением в образе Микки-Мауса – мышшь с круглыми ушами. Шкаф на кухне, плотно пригнанный к стене. Дверца на хитрой защелке. За дверцей пакеты с макаронами и овсянкой. Яркий полдень, я открываю дверцу и вижу Микки-Мауса. Он жрет овсянку и весело блестит глазками.

– Привет, – говорю я, закрываю шкаф и начинаю думать, что с ним делать.

– Покажи! – просит жена.

Я открываю дверцу, а внутри никого. В пакетах тоже ни-

кого нет. Стенки шкафа в идеальном состоянии.

Телепортация? Конечно, тут нет вопросов. Для привидений это элементарный трюк. Даже для начинающих, юных привидений.

Полнолуние, полночь, голова полна дум. Я лежу в кровати, смотрю в темный потолок и подыскиваю аргументы в споре с другом-биологом, утверждающим, что гены и душа – это тождественные понятия с точки зрения исторического материализма.

Март, окна закрыты. Лунный свет пробивает плотную занавеску и отвлекает от логических построений. В комнате что-то щелкает – это остывают железные трубы, по которым вентилятор печки недавно гонял горячий воздух. Странное уханье и шаги по крыше – это местная сова решила немного отдохнуть. По стене ползет светлое пятно от фар далекой машины на дороге.

Но что это! Шевельнулась занавеска, потянуло холодом. Включился вентилятор? Нет, в доме тихо. В коридоре скрипнул пол. Он не может скрипеть – паркет лежит на бетонной плите. Но тут в черном дверном проеме появляется нечто светлое, полупрозрачное. Аааа... понятно. Это же просто привидение! Наконец-то! Теперь можно спокойно поболтать – ночь длинна. У меня много вопросов.

– Ты кто?

– Жил я тут тридцать лет назад.

– Это ты в прачечной марихуану выращивал? Я видел лотки, лампы, систему полива. Только не говори, что это для помидорной рассады.

– Был такой грех.

– Так тебя за грехи привидением на земле оставили?

– Да, классики правильно пишут.

– А если я перестрою прачечную и уберу твой огород, ты угомонишься?

– Кто знает. Тебе помочь с ремонтом?

– Быстрее дожидаться, когда марихуану в Миннесоте легализуют.

– Ага, люди на Марс быстрее попадут, чем ты ремонт начнешь.

– Слушай, ты такой прозрачный, но соображаешь. Ты чем мыслишь-то? У тебя ни нейронов, ни черепа.

– Мысли мои далеко отсюда, я только сгусток. Приемник и немного передатчик этих мыслей.

– Это как?

– Ты сам знаешь. Даже повесть о марсианах написал. Там все правильно, скоро сам во всем убедишься, недолго тебе осталось пребывать в неведении.

– А если меня тут оставят? Грехов хватает.

– Тоже неплохо, только тут скучно. Да и грехов у тебя немного. Думаешь меня только за марихуану на земле оставили?

– Расскажешь?

– Не надейся. А то начнут распутывать клубок, а там такое, что мне еще пару веков не отмыться. Моя комиссия глупо не копала.

– А что тебе надо сделать, чтобы отмыться?

– Точно не знаю, мне пинка дали и сказали, чтобы сам думал. Может мне надо хорошие дела делать? Ты как думаешь?

– Это точно не помешает. Ты вот для начала сделай хорошее дело – подскажи мне сюжет для рассказа.

– Ха! А ты думаешь, что я к тебе просто так зашел? Музы тебя бросили, вот решил помочь.

– А что за сюжет?

– Ты совсем поглупел? А мой визит – чем не рассказ? Иди к компьютеру и печатай, пока помнишь.

Я встал с постели, надел халат и стал барабанить по клавишам. Привидение удовлетворенно хмыкнуло и исчезло.

Дописав рассказ о беседе с привидением, я открыл файл с книгой о генетике и решил распечатать главу о связи генов с душой – захотелось подержать в руках бумагу и поиграть с новой авторучкой. Компьютер сказал, что принтер не работает.

– Ну и черт с тобой, – сказал я принтеру и пошел спать.

Через час я услышал, что принтер сам вдруг ожил и начал выплевывать страницы с текстом.

– Разрешили! – догадался я и посмотрел на сияющую луну.

На окне колыхнулась занавеска.

Любовь

Она любила вино, веселых мужчин, стихи Есенина и следку под шубой.

А он любил только ее.

Она флиртовала со всеми, кто обращал на нее внимание, вечера проводила неизвестно где, но он не ревновал, а просто ждал ее возвращения.

Она приходила под утро, прислонялась к стене, закрывала глаза и говорила, что смертельно устала.

А он подбегал к ней, вставал на задние лапы и пытался лизнуть ее лицо.

50 слов

– В пятьдесят слов можно впихнуть только маленькую сценку, – сказал приятель. – Это как посмотреть один кадр кинофильма.

– Если кадр хороший – фильм можно додумать. А если плохой, – все будут рады, что не потеряно много времени.

– Каждый додумает фильм по-своему.

– Да, я так и хочу.

Надо успеть

День начался хорошо. Боль отпустила и Сан Саныч сумел сам пожарить яичницу, запив ее большой кружкой кофе. После завтрака он закурил тонкую женскую сигарету и стал смотреть на новенькую серебристую машину, стоявшую под окном.

– Красавица моя, – прошептал он. – Я еще все успею.

До зимы оставалось три месяца.

Наташка

Прошло шесть лет, как он впервые взял Наташку за руку. Шел дождь, а ладошка у нее была теплой.

Вчера Наташка вышла замуж.

– Она до сих пор любит тебя, – зачем-то сказала ее подруга.

Он ей поверил. Ведь Наташка на вопрос, любит ли она его, всегда кивала головой и смеялась.

На вершине

– Теперь фотографируйтесь, чтобы вас девушки крепче любили, – сказал инструктор.

Отсюда горы были не такими красивыми: бесконечный ряд мрачных пиков, дымка, внизу темно-серое пятно, которое еще недавно было веселой зеленой долиной.

Сергей отошел в сторону и присел на выступ скалы. Фотографию героя показывать было некому. Зачем он сюда залез?

Олигархи

Андрей стоял около речки, где он в детстве научился плавать. Мутный поток с пластиковыми бутылками огибал затонувшую автомобильную шину.

– Довели страну олигархи хреновы! – плюнув в воду, сказал подошедший старик. – Раньше тут песок был, вода прозрачная.

– При чем тут олигархи? – хотел спросить Андрей, но старик уже исчез.

Замок на перилах

Ремонтируют мостик через ручей. На ржавых перилах замок, на котором еще можно разобрать: «Валя+Леха». Рядом

грузовик, рабочие сгружают доски.

– Там свадебный замок, – говорю я невысокому хлипкому парню, от которого пахнет пивом. – Не жалко?

– Этот не жалко, – он неожиданно протягивает мне руку. – Лехой меня зовут.

Закат

Красное солнце опускается в бирюзовую воду. На пляже толпа с фотоаппаратами и телефонами.

– Смотри, как красиво! – слышу я женский голос.

– Щас... – отвечает мужчина. – Вот зараза... Ага, сюда надо... Всё, сфоткал!

– Покажи, – просит его женщина.

– Потом. Нам еще надо успеть отдохнуть и расслабиться.

В шестой колонке

Программист сидит перед экраном компьютера и лупит по клавишам. Звонит телефон – это заказчик проекта.

– Слушай, ты все закончил?

– Ага! Есть вопросы?

– Что у тебя в шестой колонке тринадцатой таблицы?

– Подожди секунду... А в остальных таблицах ты разобрался?

– Нет, конечно. Это я так, наугад спросил.

До Христа

Сицилия, Агридженто, развалины греческого храма. Шероховатые желтые камни нагреты солнцем. Между остатков колонн медленно бродят туристы. В стороне от толпы стоит молодая пара.

– Ты представляешь, Христос еще не родился, а эти колонны уже стояли.

– И что?

– Да ничего, это так... Едем дальше? У нас последние развалины остались.

О войне

– Пап, расскажи о войне.

– Да я не помню ничего.

– Тут на фото собака.

– Это Барбос. Манную кашу любил, а гречневую – нет.

– Здесь танк немецкий, подбитый.

– Это после боя. Там все фотографировались.

– Вот Вена, женщины.

– Моя – справа. Они нас искренне любили.

Прошлое непостоянно

Случается, что вчерашний день – это невыносимая боль.

Через год – это день, который хочется забыть.

Через 10 лет – это день, разбивший жизнь на «до» и «после».

Через 20 лет – это яркий день, один из немногих, который

еще помнишь.

Через 30 лет – да, было тогда что-то такое...

Красивые листья

– У меня сын наркоман – ворует обезболивающее у бабушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.